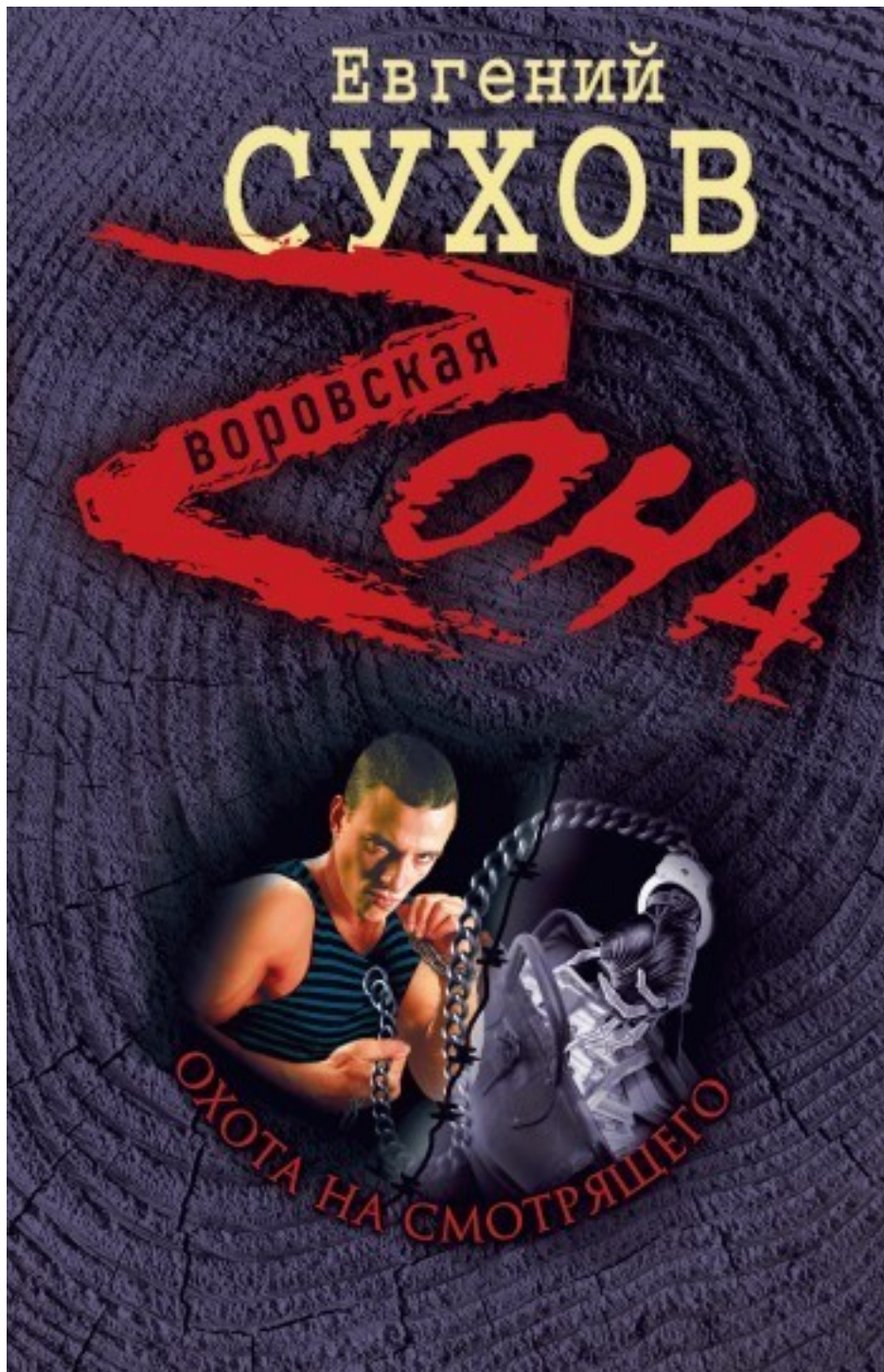

Евгений
СУХОВ

воровская

БОГА

ОХОТА НА СМОТРЯЩЕГО

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Охота на смотрящего

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Охота на смотрящего / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2009 — (Варяг)

ISBN 978-5-699-32703-4

Варяг мертв. Коррумпированный ментовский генерал отправил хранителя российского общака на зону, откуда ему уже не было дороги назад. По слухам, Варяга порешили во время тюремного бунта. Место казначея теперь вакантно, и вор в законе, питерский смотрящий Шрам, претендует на то, чтобы это место занять... Люди Шрама готовят ограбление обменного пункта, который отказался от «крышевания», но налет оборачивается кровавой бойней – кто-то перестрелял людей Шрама и помешал ограблению. Питерский авторитет полагает, что это московские «оборотни». В Москве же считают, что в дело вступил кто-то третий – не иначе как вернувшийся с того света Варяг...

ISBN 978-5-699-32703-4

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Охота на смотрящего

Часть I

Сорванный налет

Глава 1

Руки на стол!

В кармане завибрировал телефон. Глянув на экран, он понял, что звонит Моня.

– Слушаю.

– Народ собрался, тебя нет. Когда начинать? – ровным голосом спросил Моня.

– О чем ты? – не понял Александр.

– Шрам, ты что, забыл? – удивленно протянул Моня. – Я об обменном пункте, что на проспекте Металлистов.

Шрам невольно посмотрел на часы:

– Валера, где ты находишься?

– На четвертом этаже. Отсюда хорошо виден объект. Так ты чего?

– Вот что... У меня важная встреча. Если не подъеду в течение часа, начинайте без меня!

– Шрам, но ведь...

Выключив телефон, Александр Степанов, он же Шрам, широко распахнул дверцу внедорожника и плюхнулся в кожаное кресло. Стараясь не поддаваться накатившему раздражению, бережно повернул ключ зажигания. Автомобиль мгновенно отозвался утробным рычанием.

– Пропади оно все пропадом! – произнес он, выворачивая «Лексус» на шоссе.

Взяв резвый старт, машина лихо мчалась от Финского залива к Васильевскому острову. Это был тот редкий случай, когда Шрам вел машину сам. Длинные пальцы Александра, поросшие тонкими рыжеватыми волосами, уверенно обхватили оплетку руля, лицо напряженное, сосредоточенное, он лишь иногда поглядывал на спидометр, где стрелка, будто приклеенная, держалась у отметки 160.

Вообще-то Александр не любил неоправданного лихачества и, когда все-таки садился за руль, предпочитал езду спокойную и уверенную. Но в этот раз случай был особый.

Обменный пункт на Металлистов появился с полгода назад. Расположенный в полуподвале жилой девятиэтажки, он давно приглянулся Шраму. Формально обменный пункт был петербургским филиалом Нижневартовского коммерческого банка «Беркут». Заправляли в нем делами почему-то афганцы. Не российские ветераны войны в Афганистане, а самые что ни на есть черноглазые и смутные усачи-афганцы, которые неведомо как внедрили в нижневартовский бизнес и теперь крутили в Питере постулавшие из нефтяного края бабки.

Шрам, ясное дело, тут же послал к афганцам своих гонцов со стандартным деловым предложением о сотрудничестве. Афганцы повели себя нагло – от «крыши» отказались, сославшись на уже имеющуюся защиту. Было чему удивляться, такое в его практике случалось не часто. Следовало к ним присмотреться повнимательнее, и он приказал последить за строптивыми «духами». Через неделю разведка донесла, что к афганцам каждый вечер приезжает инкассаторский броневилок банка «Сокол», принадлежащий питерскому УВД. Тут Шрам смекнул, что означает вся эта «хищная» терминология.

Отправив запрос в Москву знающему человеку, он скоро получил добрый совет в «Беркут» не соваться, потому что там идут сложные многоходовые аферы с нефтедолларами и деньгами от афганской наркоты, а курируют эту группу влиятельные генералы из Москвы. Становилось понятно, отчего это афганцы отказались от «охранных услуг».

Поразмыслив, Шрам решил поступить по-своему: Москва далече, да и ментовские генералы не всесильны, а его обязанность заключается в том, чтобы содержать собственное хозяйство в порядке, на то он и поставлен в Питере смотрящим. Черномазые банкиры ударили по его самолюбию, а за это тоже следует заплатить. Вот тогда и родилась идея грабануть обменный пункт.

Шрам дал отмашку, и бригада Мони обычным порядком начала готовить операцию по «выемке денег». Для начала у пункта выставили наружное наблюдение. В соседнем подъезде сняли однокомнатную квартиру, поселили туда Чушпана, поручив ему заняться во дворе починкой своего допотопного «жигуля». И каждый день, часиков с семи утра, Моня с Чушпаном, облачившись в замасленную одежку, не спеша ковырялись в прогнившем движке, изображая капитальный ремонт.

Через четыре дня ребята представили Шраму полный график движения людей и техсредств вокруг бронированной двери филиала банка «Беркут». Обменный пункт посещали человек сто в день – по местным меркам не так уж и много, но и не мало. Предположительно, средний дневной оборот в «обменке» составлял порядка пятидесяти-ста тысяч баксов. Любопытно было другое: ближе к концу дня, часов в пять, банк закрывался на «технический перерыв», и вот тут-то начиналось самое любопытное. С пяти до восьми к запертой двери подкапывали иномарки, из которых выходили коротко стриженные мускулистые ребята с кейсами, и после нескольких коротких фраз через домофон их впускали внутрь. Из «Беркута» молодцы выходили уже без портфелей. Ясно, что никакого обмена они не производили, а скорее всего свозили в банк наличность. Ровно в восемь к парадному крыльцу банка подъезжал инкассаторский бронированный «Форд» с опознавательными знаками банка «Сокол», торопливо загружался мешками и уезжал.

Моня и Чушпан, чтобы не привлекать к себе внимания, теперь наблюдали за банком с крыши соседнего дома и тщательно изучали график приезда ребят с кейсами и броневичка. Выяснилось, что гонцы с кейсами подъезжают около семи вечера. Называли в домофон цифры от пятидесяти до ста, являвшиеся паролем, и входили в помещение.

Через неделю вызрел план захвата обменника.

* * *

Моня невольно нахмурился: сейчас, когда все было подготовлено к изъятию денег, у Шрама вдруг обнаружились какие-то срочные дела. Не так они планировали. Он стоял в подъезде у окна четвертого этажа и внимательно наблюдал за двором. На первый взгляд обыкновенный, каких в Питере не одна сотня. Двор был проездным и соединял два небольших переулка, выходящих на проспект. Перед подъездом стоял синий внедорожник «Тойота Лендкрузер». Водитель, обхватив руль обеими руками, тоскливо поглядывал по сторонам, очевидно мечтая о завершении рабочего дня, когда можно будет, взобравшись с ногами на диван, хлебать пиво прямо из бутылки. Пассажир, здоровенный детина в сером костюме и тяжелых ботинках, уже минут десять находился в помещении банка. Из опыта наблюдения можно было предположить, что пробудет он в помещении не менее двадцати минут, а следовательно, у них еще имелся резерв.

Вдруг Моня заметил, как со стороны футбольной площадки во двор въехал белый «Москвич». За неделю он успел приметить всех автовладельцев этого дома. Такого «Москвича» ни у кого из местных не было. Значит, машина прикатила в гости. Или забрела случайно. Не спус-

кая глаз с белого «Москвича», Моня вытащил из заднего кармана миниатюрный радиопереговорник и вызвал Чушпана, сидящего во дворе в «Жигулях».

– Что за гости? – коротко поинтересовался Моня.

– Сам голову ломаю.

– Сколько их там?

– Четверо. Отсюда не вижу, но вроде как черные.

– Негры, что ли? – усмехнулся Моня.

– Не поймешь... Кажись, зверьки. Кавказцы.

– Где пацаны?

– Все на своих местах... Кузя и Филин в подъезде под лестницей. Рома и Петря кучкуются у подъезда под козырьком – тебе оттуда не видать.

– Гонец с кейсом еще не выходил?

– Торчит в «обменке».

– Будем ждать Шрама?

– Как бы не опоздать, Валера, – неуверенно протянул Чушпан. – Инкассаторы минут через пятнадцать прикатят.

– Хорошо. Через три минуты выходим.

– Договорились.

Моня убрал переговорник в карман. На душе отчего-то было тревожно. Сунув руку во внутренний карман куртки, он натолкнулся пальцами на короткий ствол «узи». Прохладный. Вдохнув глубоко, он некоторое время подержал в легких воздух, после чего медленно выдохнул его вместе с опасением. Теперь на душе был покой. Надев лыжную шапочку, он быстро спустился по лестнице.

Кузя и Филин уже стояли перед запертой металлической дверью обменного пункта. В таких же, черного цвета, лыжных шапочках. Моня утвердительно кивнул, и Кузя решительно позвонил. Домофон зашипел, и голос с сильным азиатским акцентом произнес:

– Я вас слушаю?

– Пятдесят один!

Звонко лязгнул замок. Будто по команде натянули на лица шапочки с прорезями для глаз, и Кузя нетерпеливо толкнул тяжелую дверь. Все трое ввалились в тесный предбанник. За крохотным столиком с телефоном сидел охранник – щуплый смуглый афганец. Увидев вооруженных посетителей, он вскочил, но, получив удар в лицо прикладом автомата, повалился под столик. Моня поднял телефонный аппарат и грохнул его о цементный пол, потом молча кивнул на занавешенное окошко кассы. Кузя тут же накинул на окошко заготовленный черный плащ. Филин ткнул кулаком в дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Дверь распахнулась, налетчики ворвались в помещение банка и с ходу выбили дверь, ведущую в кабинет управляющего.

Их взору предстала заманчивая картина: на длинном деревянном столе лежали аккуратные пачки долларов, видно вынутые из черного «дипломата». Хозяин портфеля – бугай в сером костюме – с ужасом смотрел на ворвавшихся налетчиков. Все трое были в черных горнолыжных масках и держали наготове три ствола: Моня – автомат «узи», Чушпан – «беретту», а Филин – «ПМ». Два низких черноволосых мужика – по виду афганцы – как сидели за столом, так и замерли с перекошенными физиономиями.

– Сидеть! Руки на стол! – гаркнул Моня, тряхнув автоматом. – Не рыпаться! Одно движение – и всех кончаю! Первый, проверь остальные комнаты, я держу их на мушке, второй, собирай «зелень»!

Моня грозно повел стволом «узи», Чушпан рванул в коридор, а Филин бросился сгребать «зелень» в раскрытый рюкзак.

– Сейф! Где ключи от сейфа? – Моня резко развернулся в сторону смуглолицего управляющего.

Тот, не раздумывая, вынул из ящика стола небольшую связку ключей и нервно стал открывать стоящий за его столом сейф. В сейфе оказалась внушительная стопка рублей и долларов.

Филин быстро перегрузил содержимое сейфа в уже наполовину заполненный рюкзак и восторженно поднял вверх большой палец.

Моня достал переговорник и вызвал оставшегося на улице Петрю.

– Третий, что там гости? Стоят?

– Стоят.

– Все на месте?

– Все.

– Что происходит?

– Ничего. Пусто. Дети в футбол гоняют.

Моня отключил переговорник. Чушпан, запыхавшись, вернулся в комнату:

– Все в порядке. Девуцу в расчетном я закрыл на ключ, а мужика в соседней комнате оглушил, до ночи не очухается.

Филин уже собрал оставшиеся пачки долларов со стола и затянул на узел рюкзак. Все это заняло минуты три-четыре.

Держа на прицеле перепуганных насмерть афганцев, Моня, не повышая голоса, сурово выдохнул:

– Так, черномазые, всем замереть! На улице мои бойцы стоят, прикрывают дверь в сраный банк. Телефоны я вырубил. Так что если жить хотите – без глупостей. Если что, всех порежем!

В эту секунду с улицы раздались одиночные пушечные выстрелы. Моня выматерился и машинально взглянул на часы – половина восьмого. Для инкассаторов рановато. Что там, блин, происходит?

– Первый – если что, мочи их всех на хер! – повернулся Моня к Чушпану и бросил на ходу Филину: – Второй, за мной. Рюкзак береги.

Моня раскрыл бронированную дверь в «обменку» и столкнулся нос к носу со здоровенным черноглазым парнем в тренировочном костюме. В его широкой ладони колыхнулся ствол, но Моня, стиснув в ярости зубы, надавил на спусковой крючок и увидел, как выпущенная очередь разодрала набегающему кишечник, угодила в голову. Задержавшись, как ошалелая марионетка, прошитая горячими стальными нитками, он повалился на пол. На лицо Моне обильно брызнула кровь и какие-то слизистые плюхи. «Мозги», – промелькнуло где-то в уголках сознания. Поднявшись по лестнице, он пробежал по коридору и выскочил на улицу.

Его встретил шквал огня. Стреляли с двух сторон – справа и слева. Пули зло стучали в кирпичную стену, откалывая веер осколков; звонко отскакивали от металлической двери; с глухим стуком входили в косяк подъезда, расщепляя дерево. Боковым зрением он заметил белый «Москвич» – все дверцы у него были распахнуты. Значит, пальбу вели пассажиры «Москвича». Совсем рядом просвистели пули. Моня скользнул взглядом по асфальту и увидел лежащих без признаков жизни Петрю и Рому. Под Ромой разлилась громадная лужа крови.

– Моня, назад! – крикнул Филин и шмыгнул в подъезд.

Моня вбежал за ним и бросился по лестнице вниз к двери обменного пункта. Позади послышались гулкие быстрые шаги. Моня вслед за Филином юркнул в «обменку» и захлопнул за собой дверь. Выпущенные вслед пули звонко зацокали по стальной обшивке. Он лязгнул задвижкой.

Моня вбежал в помещение, где Чушпан держал под прицелом афганцев и гонца.

– Что там? – услышал Моня тревожный крик Чушпана.

– А хрен его знает! Налетели какие-то архаровцы. наших замочили.

Моня оглядел помещение. В дальнем углу под самым потолком виднелось занавешенное окно.

– Вон то окно куда выходит? – спросил он у пожилого афганца.

– Тот окно на проспект выходит! – с готовностью ответил азиат.

– Первый, Второй – уходим через окно! – И с этими словами Моня побежал было вперед, но вдруг, снова вспомнив про афганцев, обернулся и свирепо гаркнул: – Всем на пол! Руки за голову! Кто поднимется – будет покойником.

На улице у входа затарахтел «АКМ». Это уже серьезно. Там шел настоящий бой. Моня посмотрел на часы: ровно восемь. Это, должно быть, подъехал инкассаторский броневик. Значит, кавказцы на белом «Москвиче» не охрана, а наезд на банковских – кто же они? Неужели тоже налетчики?

Ну, блин, вы даете!

Моня ударил прикладом автомата по стеклу. Почувствовал, как один из осколков вонзился в ладонь. Не обращая внимания на порезы, он принялся остервенело выламывать осколки из рамы. Окно было в половину обычного, но пролезть в него можно было даже здоровяку Филину.

И вдруг лежащий банковский гонец проворно развернулся и выхватил из-под мышки пистолет. Раздался выстрел, потом еще и еще. Филин неловко покачнулся, схватился за грудь и стал медленно оседать. Моня, почти не целясь, пальнул в гонца короткой очередью. Тот вскрикнул, дернулся и затих, неловко ткнувшись лицом в кафельный пол. Филин лежал на полу, все еще сжимая в руках рюкзак с «зеленью» и рублями.

– Чушпан! – забыв о конспирации, рявкнул Моня. – Бери рюкзак и дуй сюда! Этих мудак-ков положи – всех!

Чушпан, бледный как полотно, поднял руку с «береттой» и направил в лицо управляющему:

– Получай, сука!

Рука дважды дернулась, наполняя низкое помещение оглушительным грохотом и пороховой гарью, и старик с молодым афганцем рухнули на пол. Чушпан подхватил туго набитый рюкзак и ринулся к выбитому окну. Но в этот момент со стороны бронированной двери, ведущей в «обменку», раздался чудовищный взрыв, словно бы стены и потолок подвального помещения зашатались.

– Дверь взорвали! – крикнул Моня, уже успевший вылезти на улицу. – Давай, бросай мне рюкзак и лезь быстрее!

Но его последние слова потонули в автоматных очередях. Он видел, как Чушпан уже схватился за оконную раму, подтянулся – и тут его настигли огненные плевки. Чушпан поморщился, пальцы его разжались. Рюкзак с «зеленью» покатился на пол.

Моня огляделся по сторонам и сразу уловил взглядом предусмотрительно оставленный ими на проспекте заляпанный грязью «Форд». Он бросился к машине, рванул дверцу водителя и, сев за руль, включил зажигание. Слава богу, Петря оставил ключ в замке. «Форд», взвизгнув шинами, рванул с места.

Моня тяжело дышал. Машину он вел точно на автопилоте. Руки дрожали. Он так и не понял, кто это испортил им «песню», кто сорвал тщательно и, можно сказать, идеально подготовленную «выемку денег».

Но одно он знал наверняка: Шрам обязательно выяснит кто. И объявит сукам войну. Он вытащил из кармана телефон и, не попадая пальцами по кнопкам, стал было набирать мобильный номер Шрама. И только спустя минуту заметил, что его «Нokia» приказала долго жить – одна из выпущенных в него пуль расколола телефон.

Глава 2

Роковой выстрел

Снайпер с силой втянул в себя зябкий ночной воздух и привычно задержал дыхание. Правым глазом он припал к прицелу ночного видения. Редкие огни сторожевых вышек, подобно мачтам корабля, рассекали черноту нависшей над колонией ночи. Но там, куда он направил лазерное око своей винтовки, вдруг по прихоти чудной военной оптики образовалась зеленая лужайка, на которой мельтешили темные силуэты взбунтовавшихся заключенных. Среди них снайпер угадал того, которому предназначалась его пуля. Пятнышко лазерного луча замерло на бритом затылке зэка. Теперь, когда до выстрела остался миг, он точно окаменел. Казалось, даже сердце перестало биться.

Парень в прицеле слегка повернулся. Теперь он видел его сухощавый профиль. Отлично! Хотя жаль, что зэк не развернулся к нему лицом, он бы смог разглядеть его получше. Пятнышко лазерного луча отыскивало бледный висок. Живая мишень замерла – как будто нарочно подставившись под снайперский выстрел. Пора! Указательный палец привычно нажал на серповидный спусковой крючок. И в ту же секунду, не обращая внимания на сильный толчок в плечо, снайпер через оптический прицел увидел, как голова зэка взорвалась кровавыми ошметками, точно разбитая булыжником пивная бутылка, а его большие руки судорожно подбросило к тому месту, где мгновение назад было лицо. Покачнувшись, зэк рухнул на груды ржавых труб и искромсанной арматуры.

Старший лейтенант Голубок только теперь позволил себе выдохнуть. И снова глубоко вздохнул. Он прицелился еще раз, решив, как обычно, сделать контрольный выстрел, чтобы с «чистой совестью» доложить начальнику колонии подполковнику Беспалому, к которому лейтенант был экстренно прикомандирован и доставлен вертолетом сегодня ночью, о выполнении задания. Но то, что он рассмотрел в окуляр, едва не заставило его сблевать. Нелепо скрючившись, раскинув по сторонам руки, на груды строительного мусора, как манекен, застыло неподвижное тело бритоголового. Крупнокалиберная пуля снесла верхнюю часть черепа вместе с мозгами, и теперь у заключенного вместо головы страшно чернело кровавое месиво с торчащими осколками черепных костей.

Снайпер оторвал глаз от окуляра и закашлялся. Он присел и стал быстро отвинчивать лазерный осветитель. Потом убрал прицел в специальный чехол на ремне. Теперь его винтовка выглядела вполне невинно, как невеста перед дверями загса. Самое главное, чтобы солдаты не заметили его выстрела. Беспалый ничего ему не объяснил, даже не сказал, кто является жертвой, лишь показал фотографию обреченного.

Но Голубок и сам был не лыком шит – понимал, что начальнику колонии свершившееся нужно будет представить таким образом, будто бы заключенный погиб от шальной пули, а вовсе не от выстрела профессионального стрелка.

Упаковав прицел, Голубок высунулся из своего укрытия и осмотрелся. Над лагерем висела тяжелая ночная мгла. Раздавались отчаянные крики. Лучи прожекторов на сторожевых вышках безжалостно вспарывали плотную тьму, неустанно рыская по зоне. Выхваченные из темноты слепящими лезвиями люди в робах, опасаясь, что солдаты откроют по ним огонь, немедленно бросались врассыпную, прятались в баррикадах за грудями строительного мусора.

Но там, где каких-то несколько мгновений назад маячила фигура застреленного, было подозрительно тихо. Точно никто не услышал одиночного выстрела, не заметил потери своего предводителя. Голубок внимательно всматривался в темноту. Только через минуту он увидел, что первая цепь вызванных из райцентра омонцев сумела подобраться почти к самой баррикаде и уже собралась с духом, чтобы в следующую секунду перемахнуть через нее, рассекая взбунтовавшуюся колонию протяжным победным криком. Но неожиданно со всех сторон в

солдат полетели камни, обломки железа, прутья. И несколько десятков «быков» с устрашающими криками, как это делают камикадзе в последние мгновения жизни, бросились на солдат и потеснили их назад, за территорию зоны. Спецназовцы, не выдержав такого яростного, отчаянного напора, отступали, прикрываясь щитами, защищаясь изо всех сил.

А сил было явно недостаточно, чтобы усмирить несколько тысяч мятежников. Тем более что в руках зэков находилось с десяток единиц огнестрельного оружия. Баталия грозила затянуться надолго. Голубок вспомнил известный случай, когда заключенные держали в своей власти сибирскую колонию почти два месяца. В духе воровских традиций обитатели той колонии в течение считанных дней расправились со всеми ссученными и установили суровую диктатуру блатных. С заключенными удалось справиться, только когда снайперы одного за другим убрали четверых основных зачинщиков бунта, и тогда к лагерю военные подвезли несколько минометов и, не ведая жалости, открыли по зэкам смертоносный огонь.

Так и сейчас начальнику колонии придется вызывать подкрепление внутренних войск из краевого центра: бунт заключенных уже перевалил ту фазу, когда можно было воздействовать на восставших угрозами, теперь ими управляли ярость, животный азарт, жажда крови и призрачная надежда на свободу. А вот ради последнего они перешагнут через все, и остановить их сумеет только слепая, неумолимая сила из железа и огня.

Да, без смертоносной техники Беспалому теперь ни за что не обойтись. Бэтээры со спаренными пулеметами – вот он, выход! Бунт он должен подавить любой ценой, обратной дороги в его положении просто не существует. И подавить его нужно в ближайшие часы, иначе неповиновение охватит и другие лагеря. А вот когда заполыхает вся Сибирь, тогда станет по-настоящему страшно всем.

* * *

Начальник колонии подполковник Александр Тимофеевич Беспалый встревоженно глянул на часы. Скоро полночь. Его приказ о ликвидации Варяга Голубок выполнил. Пора связаться и сообщить о его устранении в Москву. Едва он дотронулся до прохладной эбонитовой трубки, как телефон неожиданно зазвонил.

Александр Тимофеевич нахмурился и сорвал трубку с рычага.

– Подполковник Беспалый у аппарата!

– Слушай, Беспалый, чем ты, мать твою, там занимаешься?!

Голос генерала Калистратова зычно бил в мембрану, отчего она вибрировала на высокой ноте. В такие минуты служивому полагалось вытянуться в струнку и преданно, по-собачьи во всем поддакивать начальству. Однако Александр Тимофеевич Беспалый никогда не был слепым исполнителем чужой воли. Слава богу, своей достаточно!

«Да пошел ты, пень старый! – подумал он про себя. – Пошли они все, эти московские чинуши... генералы долбаные! Жизни ни хрена не знают, вы бы оторвали свои толстые задницы от мягких кресел да посмотрели бы, как люди живут».

Сейчас Александр Беспалый напоминал дремлющий вулкан. Внутри у него все клокотало, достаточно было крохотного толчка, чтобы огнедышащая пожирающая лава возмущения прорвалась наружу. Александр Беспалый опасался этого своего состояния. В такие минуты он мог надеть глупостей. Оставалось единственное – невероятным усилием воли подавлять в себе закипающую ярость.

Он откинулся на спинку кресла, резко выдохнул воздух и положил ногу на ногу. Стараясь говорить как можно спокойнее, он тихим голосом и с расстановкой ответил раздраженному генералу:

– Я занимаюсь тем, чем и положено, товарищ генерал-лейтенант. Бунтовщики взяты в кольцо. За ограждение им не прорваться. Завтра ко мне прибывает еще одна рота ОМОНа. С их помощью я наведу порядок в колонии.

– Что у тебя там с Варягом?

– А что должно с ним быть?

– Ты не дури, Беспалый. Я тебе уже говорил, отвечаешь за него лично! Чтобы волос с его головы не упал. Понял? Смотри мне. Если выйдет что не так, будешь долгие годы любоваться своей зоной из окна тюремной камеры! Уж это я тебе обещаю, поверь мне!

Александр Беспалый слушал Калистратова, сцепив зубы. У него вертелась на языке ядовитая фраза по поводу того, что компромата вполне достаточно, чтобы им вместе полюбоваться свободой через решетку, и что лучше побережь голосовые связки для разбирательства с вышестоящим начальством. Но понимая, что с Варягом уже все кончено, он переборол в себе дерзость и отозвался вполне примирительно:

– Я все понял, товарищ генерал-лейтенант.

– Вот и отлично! Что бы у тебя там ни происходило, Варяг должен оставаться в безопасности. Иначе нас там, наверху, не поймут.

«Как же, как же, не поймут. Там-то, наверху, все и заварили по-новому», – подумал Александр Беспалый и подался вперед, крепко прижимая трубку к уху. Ситуация была не из простых. Калистратов, видимо, совершенно не был в курсе новых веяний. А что, если он вообще играет за другую команду?

Александр Тимофеевич лихорадочно обдумывал ответ. Пауза становилась невыносимой. И он решил идти ва-банк, будь что будет.

– Ты там спишь, что ли, подполковник? – прозвучал грубоватый голос Калистратова.

– Товарищ генерал-лейтенант, я, конечно, все понял, кроме одного...

– Что ты имеешь в виду? – Голос Калистратова звучал раздраженно.

– Ведь именно вы в прошлый раз в разговоре давали мне прямо противоположные инструкции. Разве не так?

– О чем ты, мать твою?

– О том, чтобы устранить Варяга. И я очень опасаясь, что его уже нет в живых. Приказ на его устранение отдан два часа назад.

Сначала в трубке установилась тишина. Такое бывает только перед грядущей стихией. Калистратов просто переваривал услышанное, а потом на другом конце провода раздался страшный мат, зазвучали проклятия. Казалось, что от небывалого всплеска ярости расплавятся телефонные провода.

– Придурок лагерный!.. Сволочь!.. Пойдешь под трибунал!.. – задыхался Калистратов. – Сгною по тюрьмам!..

На возмущение генерала оставалось только ухмыляться. Слава богу, что ему не дано было видеть улыбку Беспалого. Иначе тот придумал бы для него новую казнь – нечто вроде усекновения головы. Минуты через две подполковнику Беспалому надоело выслушивать проклятия, и он молча положил ладонь на рычаг, задумавшись над сложившимися обстоятельствами.

Куда ни глянь, история выходит скверная.

Подполковник Беспалый слукавил – по поводу Варяга у него не было никаких сомнений или опасений: он совершенно точно знал, что единственный выстрел снайпера бесповоротно определил законного вора в покойники. Варяг для российских экзов был символом воровской идеи, а в лагерном бунте он своего рода боевое знамя. А когда знамя исчезает или когда его захватывает враг, то воинскую часть расформируют. Так будет и сейчас – это подполковник отлично понимал. Пройдет три, максимум шесть часов, и вместе с вновь прибывшими омовцами и бэтээрами он вобьет смутьянов в тюремную грязь, подобно тому, как поступали рекруты Александра Суворова с мятежными казачками Емельки Пугачева.

Снова раздался телефонный звонок. Это опять звонил Калистратов.

– Беспальный?

– Слушаю вас, товарищ генерал-лейтенант, – бодро отвечал Александр Тимофеевич.

– Ты чего трубку бросаешь?

– Просто связь прервалась, – солгал подполковник.

– Повтори, Беспальный, что ты сказал насчет моего приказа об уничтожении Варяга! – В голосе московского генерала слышался не просто ужас. Такое придыхание могло вырваться разве что у пассажиров крохотной лодочки, неумолимо несущейся к обрыву Ниагарского водопада.

– Товарищ генерал-лейтенант, если вы, конечно...

– О чем ты говорил? Какой приказ? Ты что, спятил?

– Вы мне сами намекнули, товарищ генерал, чтобы я «все уладил» с Варягом, – вот я и отдал приказ снайперу... Боюсь, что приказ уже приведен в исполнение и «все улажено», как вы и приказали.

– Идиот!.. И-ди-от!.. – Голос в трубке умолк. Повисла гнетущая тишина. После долгой паузы, видимо собравшись с мыслями, Калистратов сказал: – Вот что, подполковник, срочно ищи своего снайпера. А вдруг он еще не выстрелил? Останови его во что бы то ни стало! Варяг не должен погибнуть. Что хочешь делай!

– А если все-таки застрелил?

– Даже если снайпер его застрелил, найди его тело. Вдруг он живой? Не такой Варяг человек, чтобы загнуться от одной паршивой пули. – Голос генерала прозвучал почти бодро. – Я не верю, что он погиб. К тому же твой снайпер мог и промахнуться.

Беспальный хотел было возразить, что его снайпер не мог промахнуться, но неожиданно промелькнувшее сомнение, смутная догадка, за которой стояли огромный опыт и знание воровских и генеральских повадок, вдруг подсказали ему не делать поспешных выводов. В его практике случалось и не такое – в холщовых мешках хоронили померших зэков, а потом эти «жмурики» каким-то чудом оказывались на свободе.

– Завтра же утром мы все проверим, товарищ генерал-лейтенант.

– Какое утро?! – прорычал в трубку Калистратов. – До утра нельзя ждать. Немедленно отправь кого-нибудь на территорию и все выясни! А потом немедленно мне доложишь!

– Это невозможно, товарищ генерал-лейтенант. Зэки контролируют всю зону. Пока не подтянутся омовцы, я ничего не смогу сделать, – твердо заявил Беспальный.

На другом конце провода вновь повисла тяжелая тишина. Подполковник Беспальный напряженно вслушивался в тишину, понимая, что сейчас, в эти секунды, решается и его дальнейшая судьба. Ему показалось, что там, за тысячи километров отсюда, в Москве, генерал Калистратов с кем-то тихо переговаривается. Голоса звучали глухо, как сквозь вату, но он различал отдельные звуки. Похоже, Калистратов зажал микрофон ладонью и передавал невидимому собеседнику свой разговор с Беспальным.

– Слушай меня, Александр Тимофеич, – раздался через две минуты в трубке голос генерала. – Слушай внимательно, – в его голосе прозвучали даже проникновенные нотки. – У меня есть большие возможности, чтобы кардинально изменить твою судьбу. Хочешь, обеспечу тебе резкий рост по службе: завтра же присвоим тебе очередное звание, а потом возьмем тебя на повышение в Москву. Но сейчас, Александр Тимофеич, ты должен немедленно выяснить, что с Варягом: жив он или нет... Сделай вот что... – Генерал, глубоко вздохнув, снова надолго замолчал.

– Что я должен сделать? – не выдержал паузы Беспальный.

– Ты пойдешь сейчас к своим зэкам и лично – понимаешь меня, ли-и-чно! – удостоверишься, что с ним. Ты меня понял?! – вновь рявкнул Калистратов.

– Заключение могут разорвать меня на части! А не лучше ли...

– Не разорвут, – резко оборвал его Калистратов. – Ты – барин, если выражаться их языком... А у них на этот счет имеются свои понятия. Тронуть хозяина – дело серьезное. Им потом нигде не жить, и они это знают. Мы их достанем всюду.

– Хорошо, но даже если они и не решатся на самосуд, они могут взять меня в заложники. И что тогда? Кто будет командовать операцией?

– Не переживай, этот вариант мы тоже отработаем. – Теперь Калистратов говорил почти по-дружески. – И в случае чего вытащим тебя. Твоя задача заключается в том, чтобы ты срочно разыскал мне Варяга. Немедленно! Мертвого – или живого! Кроме тебя, зэки ни с кем разговаривать не станут. Или ты думаешь по-другому?

– Это верно, товарищ генерал-лейтенант. Не станут... – Просто так сдаваться не хотелось. – Но не слишком ли это будет жирно – менять начальника колонии на труп пусть даже и законного вора?

– Послушай, подполковник! Не утомляй меня. – Голос генерала мгновенно набрал былую мощь. – Если, не дай бог, под шумок Варяг все-таки окажется на свободе, то здесь мне устроят такой фейерверк, а я в свою очередь тебе... что пинок со службы покажется просто благом. В общем, это приказ, и давай не будем жевать сопли. Выполняй!

– Хорошо, вас понял, – глухо отозвался Беспалый. – Сделаю все, как нужно.

– О результатах докладывай мне в любое время. Выполняй!

Положив трубку телефона, подполковник Беспалый снова поймал себя на мысли, что где-то в глубине души разделяет опасения генерала, сюда примешивалось выработанное годами службы на зоне это чертово предчувствие, интуиция, которая практически никогда его не обманывала. Зэки – народ на редкость изобретательный, они способны устраивать такие фокусы, что даже известных иллюзионистов завидки берут.

* * *

Нажав на кнопку селекторный связи, подполковник Беспалый распорядился:

– Позвать ко мне Голубка!

– Ты уверен, что пристрелил его? – спросил подполковник старшего лейтенанта Голубка, едва тот переступил порог его кабинета.

Старший лейтенант выглядел обескураженным.

– Товарищ подполковник, я вам уже говорил по телефону, что сам видел, как его голова разлетелась, как тыква от удара молотом.

– Я у тебя спрашиваю, – в голосе подполковника послышался металл, – ты уверен, что это был именно он?

Голубком вдруг овладели сомнения. Это продолжалось какой-то миг, после чего он уверенно заявил:

– Это был он, я узнал его сразу.

– Как же ты его узнал? Ты что, с ним хорошо знаком?

– То есть сверил его с фотографией, – смутившись, ответил Голубок, – которую вы мне дали. Но признаюсь, что видел в основном его затылок, хотя перед самым выстрелом он повернулся в профиль, – невесело добавил старший лейтенант. – Да и расстояние было довольно большим. – Старший лейтенант явно сник, предчувствуя возможные неприятности.

– В профиль, говоришь, – задумался Беспалый.

– Перед выстрелом я был уверен, что взял в прицел именно его. Когда он повернулся в профиль, я очень хорошо его рассмотрел. Сложением фигуры, овалом лица он полностью соответствовал Варягу. – И уже более твердым голосом добавил: – Да, товарищ подполковник, это был именно он. Хотя....

– Хотя что?

– Признаюсь, я все дожидался, когда он ко мне мордой обернется, чтобы удостовериться, что это тот человек, о котором вы мне говорили. А он все в профиль стоит. Ну, я и выстрелил, чтобы он совсем не ушел. Другого подходящего момента могло и не быть.

– Понятно, – задумчиво протянул Беспалый. – В общем, так, старлей, ты свое дело выполнил, к тебе у меня претензий нет, можешь идти и успокоиться. Но чует мое сердце, что эки неспроста нам мозги крутили, и не таких, как мы с тобой, они обували! Интуиция, понимаешь, мне подсказывает, что зона была разморожена специально.

– Для чего? – обескураженно спросил Голубок.

– Если бы я знал точно. Слишком как-то все это с бунтом неожиданно произошло. Мои стукачи даже не успели сообщить о его подготовке. Знаешь, ты давай шагай, мне нужно самому увидеть труп. Говоришь, прямо в голову пальнул?

– Да, товарищ подполковник.

– Ну-ну. Очень хочу посмотреть на твою работу.

Снайпер задумчиво и даже как-то сердобольно взглянул на Беспалого:

– Вы собираетесь идти к экам, товарищ подполковник?

– А что прикажешь делать?

– Они же вас ни за что живым не отпустят!

Беспалый грустно посмотрел на старшего лейтенанта:

– Возможно. Но у меня нет другого выхода. – И зачем-то, точно оправдываясь, кивнул на телефон: – Из Москвы, понимаешь, звонили. Там такой кипеш из-за этого поднялся.

Голубок вскинул голову. В его глазах блеснуло удивление. Только теперь он начал кое-что соображать.

– Скажите, а что это за важная птица такая, что с ним такой хоровод?

Беспалый тяжело вздохнул, на секунду задумался.

– Это, да будет тебе известно, голубок ты мой сизый, знаменитый вор в законе, держатель российского воровского общака, Игнатов Владислав Геннадьевич по кличке Варяг.

У Голубка округлились глаза.

– Так я ухлопал Варяга? – хриплым шепотом спросил он.

Подполковник Беспалый горько усмехнулся, видя, какое впечатление произвело известие на старлея.

– Именно Варяга, голуба ты моя. Так что тебе, браток, лучше об этом помалкивать всю свою жизнь... Теперь, в каком бы уголке нашей матушки-России ты ни оказался, воры с тебя скальп снимут, как пить дать!

– Кто еще об этом знает? – глухо спросил старший лейтенант.

– О том, что ты ухлопал смотрящего, знаю только я... Хотя говорить о его смерти я не смогу до тех пор, пока не увижу его труп лично. Вот поэтому и надо топтать к экам.

– Они вас убьют, товарищ подполковник!

– Это вряд ли, – после паузы высказался Беспалый. – Не хорони меня раньше времени. Блатные тоже понимают, что каждый из нас выполняет свою работу. Они воруют, а я их стерегу. Они вздумали бунтовать, а я их усмирять должен. Не бзди!

– А если все-таки решатся? – переспросил Голубок, во все глаза глядя на начальника.

– Ну что ж, стало быть, такова судьба. Но я вот что хочу тебе сказать: если они меня задержат, то на всякий случай нужно будет пустить по лесу собак. Ты хорошо меня понял, старший лейтенант Голубок?

– Так точно, товарищ подполковник!

– Так и передашь моему заму... Но не сразу, а этак через час-полтора.

– Я все понял, понял, – отвечал старлей. – Неужели вы думаете, что они затеяли бунт, чтобы ушел Варяг?

– Думаю, старлей. Кстати, как тебя зовут? А то фамилия у тебя уж какая-то несерьезная. Особенно для зоны.

– Семеном меня зовут.

– Вот такие пироги, Семен. Знаешь что? Посиди-ка ты в моем кабинете на телефоне. Если будут звонить из Москвы, скажешь, что Беспалый ведет переговоры с заключенными, подробностей никаких не знаешь.

– Есть, товарищ подполковник.

Глава 3

Трупы сожжем

Спецназовцы отступили, и тотчас у заграждения поднялся белый флаг и в сторону баррикад затопал тощий человек с погонами старшего прапорщика.

Блатные даже не сразу поверили словам парламентаря – прапорщика Елисеева, без пяти минут пенсионера, трижды «деда», – что на переговоры с ними собирается выйти сам хозяин колонии подполковник Беспалый. Причем, как передал прапорщик, Александр Тимофеевич согласился практически на все условия зэков, кроме одного – своих «сексотов», то бишь стучащей, сдавать не собирался. В ответ подполковник Беспалый выдвинул собственное требование – вести переговоры только с Варягом и Муллой.

Зэки совещались недолго, уже через десять минут сообщили старому прапору свое решение: условия приняты, барина ждут с нетерпением.

* * *

Подполковник Беспалый условия соглашения с зэками выполнял четко. Вертухаев, вооруженных автоматами, оставил в двадцати метрах от поломанных ограждений и, громко чеканя шаг, словно курсант в сержантской школе, пересек простреливаемую территорию, на несколько секунд задержался у заграждений, перекрывших тротуар, а потом, царапая яловые сапоги, стал перебираться через баррикаду. За ней его терпеливо ожидало две сотни зэков. Их глаза говорили красноречиво: «Вот ты и в нашей власти, начальник!»

Беспалый спускался прямо на их кривые взгляды, как на выставленные штыки. Но страха у него не было. Толпа блатных – не свора беспризорных псов, а данное слово – не пустой базар. Опытный тюремщик знал воров – уж они-то приучены держать слово.

– Послушай, барин, вот и пересеклись наши дорожки. Может, ты сразу свои портки скинешь? Мы ведь здесь все волшебники, способны даже из мужика состряпать Марью-царевну, – нехорошо оскалится молодой вор с похабной кличкой Умывальник.

Беспалый ухмыльнулся и зорким взглядом вырвал из толпы бунтовщиков сухощавого старика – самого авторитетного на зоне вора-рецидивиста Заки Зайдуллу по кличке Мулла. Беспалый знал, что Мулла в колонии был и судьей, и советчиком, и главным заводилой – все тайные замыслы и дела зэков вершились с ведома и одобрения Муллы. И Александр Беспалый не сомневался, что если действительно заключенные подстроили ему «шутку» с Варягом, то не обошлось тут без содействия старейшего уркагана, отмотавшего на зонах несколько десятилетий.

Беспалый слегка повернул голову в сторону Умывальника и вопросительно поглядел Мулле в глаза.

– Закрой хлебало, Умывальник! – одернул беспредельщика Мулла. – Не по чину вякаешь!

– Мулла, да ты чё? Я ж его на понт брал, – пристыженно отбрехался Умывальник.

– Сиди на жердочке и не чирикай! – грозно гаркнул Мулла и, повернувшись к Беспалому, печально посетовал: – Не та пошла молодежь, не уважают старших. Ты уж извини нахала, Александр Тимофеевич, он свое схлопочет. Ничего, что я к тебе по имени?

– Ничего, Заки Юсупович, ты человек почтенного возраста, тебе можно.

– Вот и ладненько. А блатные ведь – это та же самая волчья стая, а в стае подрастающая молодежь должна уважать вожаков.

Беспалый не торопил события – чувствовалось, что Заки Зайдулла настроен на душевную волну. Мулла осторожно взял подполковника под локоть и повел прочь от баррикадных нагромождений, в сторону барakov.

– Так вот что я хотел сказать, Александр Тимофеевич. Мы все хищные, зубастые рыбы. И мы, как положено в стае, придерживаемся традиций. Ты знаешь, как охотятся хищные рыбы хариусы?

– Нет, Заки Юсупович, не знаю. Расскажи.

– Первой на добычу набрасывается самая крупная рыба, так сказать, в авторитете, потом идет рыба поменьше, и только в последнюю очередь – мелочь.

Подполковник Беспалый не отдергивал руку – странный все-таки этот старик Мулла.

– Не хочешь ли ты сказать, Заки, что будешь лапать меня первым?

Неожиданно Мулла рассмеялся. Смех у старика оказался звонким, почти юношеским.

– А ты остряк, Александр Тимофеевич!

– Возможно. И все-таки, Мулла, я бы хотел поговорить о деле.

– Александр Тимофеевич, ты хочешь сорвать торжественный прием. Конечно, мы, зэки, не так богаты, как ГУИН. Я не смогу угостить тебя отменным коньячком, но зэковский чифирек ты можешь отведать сполна!

Подполковник Беспалый начал слегка раздражаться. Он высвободил локоть и, повернувшись лицом к старому зэку, сказал:

– Мулла, зачем терять драгоценное время? До рассвета осталось не так много. Давай перейдем к делу, Мулла.

– О каком деле ты говоришь, Александр Тимофеевич? Что может быть важнее человеческого общения? Вот скажи мне, когда мы с тобой в последний раз говорили по душам?

– А тебе ведь и не положено по душам со мной говорить, ты же вор! Что тогда люди подумают? И почему это вдруг ты сейчас решил от понятий отойти? Может, причина какая имеется?

– Все ты понимаешь, Александр Тимофеевич, – заметил Мулла, – тебя не проведешь. Это ты верно говоришь, от понятий я не отойду.

Беспалый занервничал и спросил в лоб:

– Короче, Мулла, где Варяг?

– О Аллах! – Старый зэк поднял глаза к небу. – Как же ты нетерпелив, начальник. Неужели тебе не о чем поговорить со стариком?

– Как-нибудь в следующий раз.

– Не обижайся на откровенные слова, Александр Тимофеевич, но Варяг не желает к тебе выходить. Так что я говорю от его имени.

– С чего бы такое пренебрежение?

– Да уж и не знаю. Может, есть за что?

– А мне, Мулла, думается, что причина здесь совсем в другом, – со значением протянул Беспалый.

Мулла в свою очередь многозначительно посмотрел на подполковника и задумчиво произнес:

– Причин всегда много, хозяин.

– Ну да ладно, Мулла, хватит философствовать... Сколько у вас убитых? Как-никак, я отвечаю не только за то, чтобы вы от звонка до звонка тянули свой срок, но еще и чтобы каждый из вас остался целехонек. Что молчишь, Мулла, неужели ты мне в таком пустячке откажешь? Показал бы покойничков – ведь потом все равно придется их хоронить. Считать вместе придется.

Мулла похлопал начальника колонии по плечу. Получилось снисходительно.

– Зачем отдавал приказ стрелять, хозяин? Неужели ты решил, что мы сможем снести заграждения? Или ломануть в тайгу?

– А вот здесь я бы еще засомневался.

– Куда же нам бежать, на смерть? Ты же мудрый человек, Александр Тимофеевич, не первый год в баринах ходишь. Ребята просто куражатся, пар выпускают. Сам понимаешь, здесь у тебя не санаторий. На твоей зоне уж почитай годков пять не бузили.

– Шесть, – проговорил сквозь зубы Беспалый.

– Вот видишь, шесть... Просто пора пришла душу отвести, плечи расправить. А ты ОМОН вызвал, начальник... И всяких других специалистов. – Последнее слово Мулла произнес с нажимом, даже как-то скорбно.

– Вот-вот, и я про то же, – подхватил невозмутимо Беспалый. – Хочу взглянуть, все ли снайперские пули попали в цель.

– Ну, если ты так настаиваешь, тогда пойдем, – неожиданно согласился Заки Зайдулла и неторопливым шагом повел Беспалого к бараку.

Поднявшись по невысокому крыльцу, вошли в помещение.

– Вон они, – кивнул Мулла, – под простынкой лежат.

Начальник колонии подошел к трупам, сложенным в углу аккуратным рядком.

– Четверо, – бесцветно и даже как-то немного разочарованно прозвучал его голос.

Ноги убитых невинно выглядывали из-под серого савана.

– Взглянуть желаешь?

Беспалый кивнул и, взяв в костистую горсть грубую ткань, осторожно, как будто опасаясь, что курноса и на него обронит свой невеселый взгляд, стал стаскивать ее с убитых.

Застывшие, осунувшиеся и как-то сразу постаревшие лица: Венька Ежов, Сергей Прохоров. Этих Беспалый хорошо помнил живыми; старшему из них минуло всего-то тридцать годков. Третьего он не узнал – видно, сидел в зоне недавно, не высовываясь, а тут на тебе, угораздило высунуться.

На четвертом подполковник Беспалый взгляд задержал. Этого, должно быть, и положил Голубок. Лицо разворочено, полчерепа снесено, как топором оттяпано, – кошмар! Александр Тимофеевич невольно поморщился. Действительно, вроде как Игнатов. Рост немного за метр восемьдесят, крепкое сложение, широкие плечи. Вроде он. Одежда тоже его.

И тапочки...

Эти дурацкие тапки, в которых законный вечно ходил по бараку, невзирая на запреты. Да, сомнений нет – это Варяг. Владислав Геннадьевич Игнатов. Смотрящий по России. Хранитель воровского общака, бывший, правда.

Беспалый аккуратно накрыл трупы простыней.

– Что скажешь, начальник? – участливо поинтересовался Заки. – Уж не Варяга ли ты высматривал?

– Ты всегда был очень неглупым вором, Мулла. Варяга в числе жмуриков нет... Что и требовалось доказать.

Некоторое время они внимательно разглядывали друг друга.

Мулла вдруг посерьезнел и почти вплотную подошел к Беспалому:

– А этот, последний, кого ты разглядывал, разве не показался тебе знакомым?

Беспалый устремил тяжелый взгляд на старика:

– Разве это он?

Мулла помолчал и глухо ответил:

– Он, Александр Тимофеевич, кому же еще быть, как не ему?

– Хм...

– Твой снайпер положил Варяга, – четко выделяя каждое слово, проговорил старый вор, будто отрезал.

Беспалый почувствовал, как по его спине пробежал неприятный холодок. Умный старик заметил его смятение. Догадался и о том, что пришел он к зэкам не по собственной воле.

Оба помолчали. Будто тишину слушали, авось что подскажет.

– Ну и что теперь? – не выдержал молчания начальник колонии.

– Трупы сожжем, прах похороним.

– Ты предлагаешь сделать это прямо сейчас?

Мулла кивнул.

– Чего же тянуть?

– Сжигать-то зачем?

Мулла усмехнулся.

– Береженого бог бережет, Александр Тимофеевич. На пожар всегда легче сослаться, сам знаешь.

Беспалый про себя только подивился пронизательности и дьявольской хитрости старого зэка, который тоже имел какой-то собственный интерес в смерти смотрящего по России. Коварный старик! Если этот обезображенный труп и вправду Варяг, то этим фактом сразу разрубается гордиев узел всех внутренних проблем в колонии и, главное, кладется конец почти полугодовой схватке с упрямым вором, из которой победителем вышел все-таки он, Александр Тимофеевич.

Мулла, стоящий рядом с Беспаловым, думал о своем, и его губы кривились в загадочной гримасе – то ли лукавой улыбке, то ли скорбном оскале.

Александр Беспалый на всякий случай заметил:

– Но ведь доказать, что это был труп того, кого ищешь, тоже непросто.

Мулла отрицательно покачал головой:

– Есть свидетели. Их много! А их слов вполне достаточно, чтобы доказать смерть Варяга. Ты видел его труп. Я лично перетаскивал его тело в барак. Снайпер твой видел, в кого стрелял. Этого достаточно, чтобы составить рапорт.

– Не так все просто, могут не поверить. Допускаю, что захотят заспиртовать его труп и доставить в Москву на экспертизу.

Взгляды барина и вора вновь пересеклись.

– Нет, Александр Тимофеевич, я этого не позволю. Не по понятиям это, да и не по-человечески. Эти трое несчастных никому не нужны – их тут в перелеске закопают, – махнул он в сторону двери, – а труп Варяга в стеклянной банке повезут? Так, что ли?

– Что же ты предлагаешь?

– Все четверо были убиты на одной баррикаде. Вместе им и в землю ложиться!

Мулла говорил неторопливо, но горячо, даже зло. А у Беспалого от его слов на душе стало легко. Старик убедил начальника колонии в том, что Варяг убит. Последние сомнения развеялись. Сжечь – и концы в воду.

Он весело посмотрел на Муллу:

– Надеюсь, наш разговор окончен и ты меня отпустишь?

Мулла отрицательно покачал головой – он явно сожалел, что вынужден отказать начальнику колонии.

– Нет, Александр Тимофеевич, ты – гарантия нашей безопасности.

– И что же ты думаешь со мной делать дальше?

– Можешь не переживать, тебя здесь никто не тронет. Все-таки слово Муллы в этом мире еще кое-что значит. Я вырву кадык любому, кто попытается даже замахнуться на тебя.

– Не сомневаюсь... И до каких же пор ты меня собираешься держать, Мулла? – спросил Беспалый.

Губы Заки Зайдуллы растянулись в милой улыбке доброго дедушки.

– Может, до тех самых пор, Александр Тимофеевич, пока бэтээры не раздавят наши баррикады.

– Какие бэтээры, Заки Юсупович? О чем ты?!

– Ох, неужто я ошибаюсь? – закачал головой вор. – Хорошо бы, чтоб я ошибался. И все же побудь пока с нами, начальник.

– Смотри, Мулла, как бы потом жалеть не пришлось, – угрюмо предупредил Беспалый.

– Аллах свидетель, ты меня забавляешь, Александр Тимофеевич. Правильнее сказать, что тебе бы жалеть не пришлось. Мы здесь у тебя срок мотаем, даже сейчас ты нас всех под прицелами держишь.

Александр Тимофеевич все более мрачнел.

– Мулла, а ты уверен, что действуешь по понятиям? Я ведь пришел к тебе по своей воле. Я ведь посол! Твои предки за бесчестье своих курьеров сжигали целые города вместе с жителями.

– Ты на мораль не дави, гражданин начальник, – строго проговорил Мулла. – За свою жизнь мне пришлось и не на таких моралистов, как ты, насмотреться. А если глубже вникнуть, так какие такие обязательства у меня могут быть перед тобой, барином «сучьей» зоны? Если пойдет что-нибудь не так, то меня братва особенно и не осудит. Поймет, знаешь ли... А потом, тебя ведь никто не обижает. Сидим вот с тобой, курим... Как два старых кореша. Разговор у нас может быть долгий, есть что обсудить.

В этот момент по лагерю через «матюгальник» раздалось грозное требование дежурного офицера о немедленном освобождении подполковника Беспалого. Зэк с автоматом пальнул в ответ коротенькую очередь, и радиоголос мгновенно умолк.

– Ты совершаешь глупость, Мулла, не жалеешь ты братков, как будто каждый из них бессмертный, – в свою очередь опечалился Беспалый.

– Ну-ну, – хмыкнул Мулла. – Печешься ты о нас, ни дать ни взять, точно волчара об овечьем стаде.

– Ошибаешься, Заки, – ответил Беспалый, напустив на себя наигранную озабоченность. – Просто ты кое-чего не знаешь: я еще с вечера вызвал из центра роту особого назначения.

– Значит, я оказался прав. Выходит, есть бэтээры?

– Здесь ты оказался прав. Неужели тебе нужны лишние жертвы? Ты же должен понимать, что бэтээры всех вас к едрене фене передавят. Ты можешь меня тут держать до посинения – даже на куски порвать, но все равно плетью обуха не перешибешь. К утру всему этому озорству придет конец. А уж коли ты меня погубишь... омовцы всю зону превратят в кровавое месиво. А самое главное, зачем? Я ведь тебе здесь не нужен. Ты правильно сказал: я гарантия вашей безопасности – только не тут, а там. – Мулла продолжал молчать. – Чего ты от меня хочешь?

– Я ж тебе втолковываю, начальник, поговорить с тобой хочу, с умным человеком. Вот как раз до прихода бэтээров.

– Хорошо, Мулла, поговорим. А дальше что?

– А дальше отдай нам Стаську Щеголя – главного твоего стукача, – неожиданно выпалил старый вор.

Подполковник Беспалый удивленно взглянул на Муллу:

– При чем тут Щеголь, Заки Юсупович?

– Ох, не лукавь, Александр Тимофеевич. Неужели ты думаешь, что старый Мулла не знает все про этого продажного гада?

– Мулла, ты, похоже, выживаешь из ума, я не собираюсь тебе никого отдавать.

– Ему теперь все равно не жить – ты хоть это понимаешь? – злобно бросил Зайдулла.

– Я переведу его в другую зону, – скривился подполковник.

Глаза Муллы сверкнули.

– Его и там достанут.

– Это будет непросто.

– Если не получится, так на воле его ждет приговор.

– Послушай, Мулла, не о том мы сейчас говорим. Просто время тянем. Мое московское начальство ждет моего сообщения. – Глянув на часы, произнес: – Я должен был доложиться уже полчаса назад.

По его прикидке, минут через пятнадцать на территорию колонии должны войти моторизованные части внутренних войск на бэтэарах и бээмпэшках. Ему надо спешить. Он с нетерпением смотрел на Муллу.

– Ну ладно, – махнул рукой старик. – Только дай мне еще слово, что отведешь своих омовцев и вэвэшников. Давай миром закончим бузу. Покуражились ребята, кровь по жилам погоняли. Малость воздуха свободы глотнули – и по баракам. Не трави братву за удаль и молодецкую забаву. Через два-три часа на зоне будет полная тишина. Даю слово. Ну как? Лады?

– Лады! – не задумываясь, согласился Беспалый.

Вдвоем они вышли из барака к братве, настороженно затихшей.

– Проводите Александра Тимофеича! – тихо и веско приказал Мулла. – Переговоры окончились миром. Отбой!

Зэки удивленно загалдели. Но никто не посмел осуждать решение старейшего из воров.

Глава 4

Воровской бунт

Примерно через час после того, как подполковник Беспалый, покинув лагерь бунтовщиков, скрылся за ограждением локальной зоны, и после того как Мулла отдал приказ на сожжение трупов, из-за угла барака с грозным урчанием показались три бронетранспортера.

Две машины сразу же остановились метрах в двухстах, а третья, продолжая зловещее движение, развернула в сторону баррикад пушку и спаренные крупнокалиберные пулеметы. Бронетранспортер напоминал хищного холеного зверя, угодившего в тесную клетку. Его широкие гусеницы со страшным скрежетом уверенно подминали под себя все, что попадалось на пути; железный зверь явно нервничал, ему не хватало простора. Вот сейчас он обрушит всю свою злобу на взбунтовавшихся эсков, начнет крушить бараки, бороздя зону из конца в конец.

– Мулла, что теперь? – невесело спросил Умывальник.

– Не ссать! – прозвучал рассерженный голос Муллы. – Палить не станут. У них приказа такого нет! Сашка Беспалый отбой скомандовал!

Но будто бы в опровержение его успокаивающих слов с бэтээра грозно охнула пушка, разметав самую вершину баррикады. Восставшие эски, отчаянно матерясь и проклиная свою доверчивость, поспешно рассыпались по сторонам, стараясь укрыться подальше от надвигающегося темно-зеленого железного чудовища.

«Опять Беспалый, падла, обманул, – подумал про себя Мулла, – хотя, конечно, этого и стоило ждать от скурвившегося надсмотрщика. Не мешало бы все-таки Беспалого, суку поганую, прирезать, но теперь поздно, поезд ушел... Хотя, может, оно и к лучшему: зачем лишнюю кровь на себя брать? Гада и так настигнет божья кара. Аллах, он все видит. Нам же сейчас важно до рассвета продержаться, а там...»

– Ну что стелетесь по земле, блатные?! – глянул вор на эсков. – Что жопы попрытали по углам? Или вы железяки испугались?!

Распрявившись, Мулла первым бросился в сторону выстрелов.

За ним к бэтээру рванули десятка три самых отчаянных эсков.

Тут же им навстречу забили в истерике пулеметы – хрипло, злобно, выхаркивая из раскаленных стволов свинцовую смерть. На бегу, как бы споткнувшись, неестественно дернулся и, нелепо подломив ноги, завалился на бок молодой заключенный по кличке Умывальник. Бронетранспортер, расстреливая боеприпасы, продолжал наползать на баррикаду, расщепляя широкими гусеницами доски, легко подвигая многотонную преграду, подобно сказочному исполинскому витязю, способному одним движением могучей длани смести любую, даже самую непреодолимую преграду.

Уже через несколько минут «неприступная» крепость, сооруженная эсками из обломков строительного мусора, готова была обрушиться с трехметровой высоты прямо на головы ее бритоголовым защитникам – бунтовщикам зоны.

Но неожиданно громадная машина забуксовала, выбрасывая вверх комья земли, куски кирпича, щебенку, щепки. Потом она развернулась, зацепила гусеницами колючую проволоку и, намотав ее на колеса, нелепо подергавшись с минуту, заглохла.

– Остановилась, стерва! – послышались с баррикады злорадные выкрики заключенных. – Теперь отсюда только на металллом!

Бронетранспортер, спутанный колючей проволокой, выглядел очень уныло, точно так же нелепо смотрится хищный и опасный зверь из-под густой охотничьей сети.

– Ну чего замерли, братки?! Ведь можем, когда хотим! – выкрикнул Мулла, сосредоточенно поглядывая на остановившийся БТР.

– Выпотрошите эту консервную банку, пацаны! – истерично завопил блатной по кличке Лысый. – Коли арматурой всех козлов в бэтээре.

И, показывая пример, он первым взобрался на машину, беспомощно задравшую нос и воткнувшуюся гусеницами в баррикаду.

Сбегаясь со всех сторон, они старались атаковать бока бронетранспортера. Кое-кто из них даже взобрался на броню. Сталь тревожно ухала под каблуками башмаков. Озверевшая от возбуждения и страха толпа просовывала в смотровые щели ножи, палки. Точно так же, скопом, первобытные люди добивали раненого мамонта, провалившегося в яму-западню.

– Не постреляют они нас всех?!

– Теперь не постреляют: по своим палить не станут! – подбадривали друг друга.

– Да теперь мы из этой черепахи все мясо повыковыриваем, – разгоряченно орал молодой зэк по кличке Маэстро.

В его руке сверкал металлический прут, он размахнулся и что есть силы метнул его в распахнувшийся на какое-то мгновение люк. Внутри машины что-то глухо брякнуло, послышалась злобная ругань, и тотчас люк захлопнулся намертво.

Братки безуспешно копошились вокруг металлического зверя, пытаясь взломать металл. Неожиданно все люки бэтээра одновременно отворились, и бронетранспортер ошетинился стволами автоматов. Зэки в ужасе отпрянули: кто прыгнул с брони, кто кубарем покатился вниз.

Среди дикого мата и истошных перепуганных выкриков раздался звонкий юношеский голос, уверенно скомандовавший:

– Огонь!

Злобно затарахтели «акаэмы».

Взмахнув руками, упала первая цепочка нападающих. Мулла увидел, как схватился за окровавленное плечо Лысый, как скрючился, сжимая простреленный живот, Маэстро: он любил играть роль первой скрипки – похоже, это был последний концерт в жизни блатного «музыканта».

– Назад! Отходи! – срываясь на хрип, торопил Мулла.

Приказ был излишним – зэки разбегались во все стороны.

Через минуту по соседней баррикаде глухо пальнула пушка со второго бронетранспортера. Там, где секунду назад была навалена огромная гора из железобетонных панелей, образовалась глубокая яма, а железобетон взрывной волной разбросало на десятки метров вокруг. Снова застрекотали тяжелые пулеметы. Невыносимо громко заскрежетали вращающиеся гусеницы, и бэтээры, находящиеся в прикрытии, уверенно поползли через образовавшийся проход на территорию зоны, на которой сейчас хозяйничали зэки.

Следом за бронетранспортерами, с пуленепробиваемыми забралами на лицах, в бронежилетах, со щитами, вооруженные автоматами, бежало не менее роты спецназовцев. Они что-то яростно выкрикивали и палили поверх голов разбегающихся зэков.

Многочисленная толпа заключенных была рассечена на несколько групп, и спецназовцы прикладами автоматов вколачивали в асфальт особенно неторопливых.

Только в одном месте заключенные продолжали оказывать сопротивление – это был завал, отделяющий промышленную зону от жилого сектора. Здесь собрались самые непримиримые отрицалы, которым, как и нищему пролетариату, терять было нечего. Среди них выделялся высокий сухощавый старик. Невзирая на свой почтенный возраст, он размахивал над головой длинной арматурой, к которой был приварен тяжелый металлический брус; если бы не тщедушное телосложение старика, то можно было бы подумать, что среди бунтарей оказался былинный герой, вооруженный богатырской палицей.

– Не бойсь, братва! – кричал Мулла.

Собрав все свои силы, он вкладывал в каждый удар всю накопившуюся за долгую жизнь ненависть к власти, к вертухаям, ко всему миру.

Подбежавший к завалу бритоголовый молодой омоновец вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. «АКМ» отрывисто затараторил, но вдруг, закашлявшись, умолк.

– Блин! Сука! Неужели опять перекосило! – хрипло самому себе прошептал автоматчик. Поставив автомат на предохранитель, он лихорадочно выдернул рожок. – Так и есть – патрон перекосило.

Сухими пальцами он поставил горячий металлический цилиндр на место и вставил магазин. Но в этот момент почувствовал, как ему на плечо легла чья-то тяжелая рука. Резко обернувшись, он увидел прямо за своей спиной подполковника Беспалого.

– Что, сынок, с дефектом личное оружие попало? Заклинило? Досадно! – Подполковник мягко выдернул «АКМ» из рук омоновца. – Дай-ка, я попробую!

Беспалый, не отрываясь, смотрел на высокую фигуру Муллы, отчетливо вырисовывавшуюся на фоне освещенного прожекторами промышленного барака. Александр Беспалый увидел, как разгоряченный старик с размаху опустил металлический прут на голову солдата, пытавшегося достать его прикладом, и пожалел о том, что только что отдал приказ взять группу зачинщиков обязательно живыми. Хватит! Пора кончать с этим шухером, и Беспалый, тщательно прицелившись, дал короткую очередь.

Звонкий автоматный треск растаял в воздухе. Чаще всего такой звук бывает, когда пальба происходит на огромных пространствах.

Прежде чем упасть, Мулла как-то странно откинулся назад, а выпавшая из его рук арматура бухнулась к ногам подбежавшего к нему омоновца.

Беспалый довольно хмыкнул – вот он и поставил последнюю точку в деле Заки Зайдуллы с погонялом Муллы. За дальнейшее можно не переживать. Варяг убит. Теперь, узнав о гибели старика, ээки надолго превратятся в безголосое стадо и будут вздрагивать, едва услышав фамилию начальника колонии.

– Товарищ подполковник! – услышал Беспалый за спиной голос замначальника колонии майора Кротова. – Еле вас нашел! Слава богу, что вы живы. Они вас отпустили?

– Как видишь, живой! – самодовольно заметил Александр Беспалый и улыбнулся, вспомнив содержание своего разговора с Муллой. – В нашем деле, Кротов, главное – хитрость и смекалка. Что у тебя там? – С этими словами Беспалый, поставив автомат на предохранитель, с уверенностью человека, привыкшего к оружию, небрежно перебрал автомат омоновцу.

– Из Москвы звонил генерал-лейтенант Калистратов. Спрашивал обстановку. Просил срочно перезвонить.

– Ладно, теперь можно и позвонить, – кивнул Беспалый, весьма довольный собой. – И вот что, майор, передай нашим и прибывшему подкреплению мою команду – всех зэков бросить мордами на плац, продержат их так до самого утра. А затем я побеседую с самыми непримиримыми: у меня свои методы.

– А что делать с покойниками, товарищ подполковник?

– Со жмуриками у нас никогда проблем не было. Эти-то уж бунтовать не станут! Перетащите их в покойничий барак и сегодня же к вечеру закопайте на зэковском кладбище, – распорядился Беспалый.

– Слушаюсь, товарищ подполковник!

Александр Тимофеевич двинулся было прочь, но остановился и, строго глянув на Кротова, добавил:

– И вот еще что. Среди наших есть потери. Срочно раненых к Ветлугину, а тех, кому не повезло, послезавтра хороним с почестями.

Майор вздохнул и понимающе кивнул подполковнику Беспалому. Потом, опомнившись, вытянулся, лихо козырнув:

– Так точно! Вас понял. Все сделаю!

Оказавшись у себя в кабинете, Беспалый плотно затворил дверь и рухнул в кресло перед письменным столом. Только теперь, осмысливая прошедшие часы, он понимал, что жизнь его висела на волоске. Он почувствовал, как взмокла спина от холодного пота. Даже ладони вспотели, что бывало с ним крайне редко. Последний раз подобное с ним случилось года два назад, когда ему устроил выволочку генерал-майор Сазонов из краевого УВД. Грозил даже под трибунал отдать. А делов-то было всего ничего – помер какой-то старый зэк, числившийся на особом учете. Старик сел в середине 80-х, проходил по узбекскому делу о взяточничестве. Потом, когда кремлевская машина потихоньку стала давать задний ход, дело его пересмотрели и вроде как готовили выпускать условно-досрочно. Но чинуши из краевого управления, суки паршивые, до последнего момента играли в молчанку: боялись, видно, напортачить, никаких указов не давали, дескать, поступай сам как считаешь целесообразным, а старик-то возьми и заболей пневмонией. И в три дня очурился. Генерал Сазонов, шкура трусливая, визжал да слюни на подбородок пускал. Ногой топал. Кулаки до крови об стол поразбивал. Тогда ему показалось странным, откуда столько шума из-за рядового зэка, и только позже ему удалось выяснить, что у старика были весьма серьезные покровители, которые за его скорое освобождение обещали озолотить московских генералов. Обломался, стало быть, кусочек!

Ситуация тогда была нешуточная: запросто могли Беспалому срок за халатность приписать, и сидел бы как миленький.

Интересно, что сейчас выкинет Калистратов? Разговор с генералом предстоял тяжелый. Ведь не прошло и пяти часов после разноса. И теперь подполковнику Беспалому придется докладывать в Москву, что Владислав Игнатов, смотрящий и хранитель всероссийского воровского общака, убит в перестрелке во время бунта на зоне. Примерно так и следует формулировать. Также нужно будет доложить, что погиб еще один старейший вор в законе – Заки Зайдулла, больше известный как Мулла, отмотавший по зонам почти полвека.

Беспалый снял трубку, вышел на межгород, набрал московский код, потом прямой служебный номер Калистратова.

Генерал ответил на втором звонке.

– Слушаю.

– Товарищ генерал-лейтенант! – Беспалый почувствовал, как подрагивает трубка во вспотевшей ладони. Нервишки шалят. Съездить бы куда-нибудь дней на десять да отдохнуть как следует. – Это подполковник Беспалый из...

– Слушаю, Александр Тимофеич, что там у тебя?

Беспалый уловил едва заметную перемену в тоне Калистратова. Видно, за прошедшие пять часов в Москве произошло что-то серьезное. Может, все переигралось? Может, смерть Варяга теперь им даже на руку? От пришедшей мысли подполковник Беспалый даже немного повеселел.

– Товарищ генерал-лейтенант, я лично проверил информацию об устранении Игнатова. Объект... заключенный Игнатов убит в перестрелке, завязавшейся в ходе бунта заключенных. Убит Мулла... – Беспалый сделал паузу. – Бунт подавлен, – добавил он. Сработало инстинктивное чувство самосохранения. Успокоил начальство на всякий случай. – Ситуация полностью взята под контроль, и обстановка нормализуется.

Подполковник замолчал в тревожном ожидании. Калистратов, вопреки его предчувствию, заговорил спокойным, ровным голосом.

– Значит, так, Александр Тимофеич. Напишешь подробный рапорт о случившемся. Но сначала проведи служебное расследование. Установи, если сможешь, из какого оружия произведены выстрелы. И после этого пиши рапорт. На имя начальника управления исполнения наказаний.

– То есть не на ваше? – уточнил Беспалый.

– Нет. На мое теперь будешь писать разве что новогодние открытки.

Беспалый заволновался. Он почуял что-то неладное. И, набравшись смелости (или наглости), спросил напрямую:

– У вас неприятности, товарищ генерал-лейтенант?

Калистратов ответил не сразу.

– Да. Теперь это так называется. Вспомнило вдруг родное начальство, прямо посреди ночи, что мне шестьдесят в марте исполнилось. Предложили подать рапорт об увольнении. По выслуге лет. К осени сдам дела, если только теперь с твоим Варягом не начнется какая-нибудь катавасия с воскрешением. Вот видишь, как все поменялось.

«С „твоим Варягом“ – нет, ну каков прохвост! Сам мне его сунул «на сохранение», велел под контролем содержать, а теперь «твой». Нет, товарищ генерал, это не мой, а «ваш Варяг»! Хотя, конечно, теперь и мой».

– Не знаю, что и сказать, – удрученно отвечал Беспалый.

– Значит, гарантию даешь? – донесся до его слуха неуверенный голос московского генерала. – Ты чего молчишь?

– Простите, товарищ генерал-лейтенант, связь прервалась. Что вы сказали?

– Говорю, даешь гарантию, что Варяг убит?

– Даю, товарищ генерал-лейтенант. Лично видел труп.

– Ладно. – И Калистратов, не прощаясь, повесил трубку.

Подполковник Александр Тимофеевич Беспалый долго сидел набычившись и думал. Думать было о чем. Теперь его служебная карьера, а по сути и вся жизнь, обещала круто измениться. И он предчувствовал, что смерть Варяга должна сыграть с ним недобрую шутку.

Глава 5

Удачи тебе, генерал!

Шрам посмотрел в окно: мимо пролетели Ростральные колонны. Сейчас он рванет на Васильевский остров, намеренно поплутает по Василеостровским линиям и остановится у невзрачного ветхого домишки с вывеской «Леноблкнига». Там и состоится его очередная встреча с генералом МВД Калистратовым, курирующим Северо-Западный регион.

Александр усмехнулся. Чудно устроена жизнь: он, законный вор, уже около года являющийся «папой» Северной столицы, встречается с эмвэдэшником, да еще с каким! Знал бы кто-нибудь из его ближайших корешей, какую опасную игру он ведет, так приговорили бы не мешкая. Но игра стоит свеч и риск кажется оправданным, когда знаешь, какие деньги стоят на кону.

Задумавшись, Шрам едва не проскочил на красный свет. Но, вовремя спохватившись, ударил по тормозам, и его «Лексус», взвизгнув, остановился посередине пешеходного перехода.

С недавних пор Шрам не любил большие машины, считая их дешевым шиком, фенькой шантрапы. Хотя последние несколько лет раскатывал именно на внедорожниках и джипах – у него их было штук шесть, и все черного цвета. Но когда в Москве, а за ней и в Питере всякая шелупонь сменила «восьмерки» и «девятки» на «Мицубиси» и «Тойоты», он понял, что теперь ему городской вездеход не по рангу. Он заказал себе в Германии сначала «мерс», а потом «БМВ». Он уважал немецкие автомобили – надежные, солидные, быстроходные. Жаль, что в России не выпускают машины такого качества. Лучшие мозги отечества трудятся в оборонной промышленности.

А этот серебристый «Лексус» ему пригнал из Европы Гоша Грунт, взяв с него чисто символическую цену. Гоша был мелким импортером бразильского кофе, а по совместительству «крот» МВД. Он тихо собирал материал обо всех, кто был, так или иначе, связан с продовольственным бизнесом. Импорт продовольствия в Питере, как и везде по России, представлял собой сложнейшую пирамиду, в которой были повязаны таможня, налоговики, местные властные структуры, крупные оптовики. Все они были подконтрольны вору. То есть фактически ему, Шраму. Грунт вел «учет» импортных операций, и в его картотеке фигурировали все – от рядовых пограничников и таможенников на российско-польской и российско-финской границе, которые лепили печати на заведомо липовые накладные, до обитателей высоких кабинетов в Смольном, дававших устные указания на ввоз тех или иных контрабандных товаров. Мало кто догадывался, что именно картотека Грунта являлась источником сведений о коррупции в Петербурге, которые накапливались в спецпапках МВД. Спецпапки хранились в сейфах долгие годы, чтобы в нужный момент их можно было извлечь на свет и «слить» неугодного чиновника в очередном разоблачительном материале бойкого журналиста.

Всю необходимую информацию о продовольственном деле в Питере Гоша регулярно за бабки предоставлял и Шраму.

Параллельно выполняя для него целый ряд других заданий.

Именно Гоша Грунт сыграл историческую роль, совершенно случайно оказавшись посредником в знакомстве Шрама с генералом Калистратовым.

...Это случилось ровно год назад. Как раз тогда убили Стреляного, крупного питерского бандита, не подчинившегося решению сходяняка положить конец беспределу в Питере. Через несколько дней у Шрама в офисе раздался странный звонок. Он тогда снимал целый этаж в старинном доме на Невском, ближе к Адмиралтейству. Его легальная фирма (одна из десятка ему принадлежавших) занималась экспортно-импортными контрактными поставками продовольствия, и он был, как всегда, совершенно чист перед властями.

И вдруг звонок, показавшийся Степанову странным. Говоривший назвал себя Золотовым и уверял Леночку, его секретаршу, что этот телефон ему дал лично Георгий Сергеевич Грунтов и что господину Степанову будет очень интересно с ним встретиться, чтобы обсудить возможности делового сотрудничества. Шраму фамилия Золотов ничего не говорила. А поскольку Гошки тогда в Питере не оказалось, он самостоятельно навел справки. Как выяснилось, никакой Золотов в питерских торговых кругах не значился. Был некто Петька Золотников, который держал под собой всю обувную торговлю в городе и области; был еще Золотин Вовка – этот контролировал итальянские колготки.

Может, из области?

На встречу Александр не пошел, решив, что если человеку очень нужно, то он даст знать о себе еще раз. Так и случилось, звонок повторился. В этот раз с «Золотовым» разговаривал сам Шрам. Телефонный собеседник настоятельно рекомендовал с ним встретиться.

Шрам был не из пугливых и решил посмотреть, что это за фрукт. «Стрелку» забили в ресторане «Юнона» – новом заведении с австралийской кухней. Шрам пришел на встречу с тремя «партнерами». Золотов явился один. Такой расклад Шраму сразу понравился. И еще понравилось, что незнакомец не опоздал – пришел точно, как договаривались, в семь. Сели за столик, заказали какую-то мелочовку – салат из морепродуктов, гусиный паштет, зелень. Ужи-нали без спиртного. Шрам «партнеров» попросил пересесть за дальний столик в углу, чтобы поговорить с собеседником с глазу на глаз.

И тут его ожидал самый главный сюрприз. Как только он поинтересовался у господина Золотова, в какой области у него бизнес, тот сразу раскрыл все карты: он просто извлек из кармана красное удостоверение с золотым тиснением на обложке и раскрыл его перед глазами Степанова. Шрам прочитал фамилию Калистратов и звание – генерал-лейтенант МВД.

Псевдо-Золотов, видя его мгновенное замешательство, поспешил заметить:

– Александр Алексеевич, я сейчас в двух-трех словах обрисую ситуацию, которая вынудила меня – я подчеркиваю слово «вынудила» – обратиться к вам в такой неофициальной форме, а дальше сами решайте, как поступить. Итак, вы Александр Алексеевич Степанов, кличка Шрам...

– У нас это называют погоняло, – нахмурился Александр. – Клички только у собак.

– Пусть будет погоняло... Первый срок вы получили в 1985 году за грабеж и разбой. Дали вам пять лет. Отбывали наказание в Пермском лагере строгого режима. Там, судя по некоторым данным, вы сошлись с авторитетными ворами, те вас приветили, и с их благословения вас позже короновали. Здесь, в Ленинграде... то есть в Петербурге... – Калистратов улыбнулся. – Никак не могу привыкнуть к новому названию города. Хотя почему новому? Скорее очень старому! Для меня город на Неве как был Ленинградом, так им и останется... Вернемся к нашему разговору. Здесь, в Петербурге, вы сделали фактическим лидером криминального сообщества. У вас свои карательные бригады, своя разведка. У вас разветвленная сеть осведомителей и гонцов. Вы безжалостно караете беспредельщиков и «крысятников»...

– Откуда вы? – вырвался хриплый вопрос из горла Шрама. – Из Большого дома?

– Да, я из «большого дома» – но не из того, о котором вы подумали, Александр Алексеевич. Я не комитетчик, я именно генерал МВД. Приехал из Москвы специально, чтобы познакомиться с вами и решить кое-какие важные вопросы.

Шраму приходилось беседовать с высокопоставленными чинами из МВД, но с генералом МВД только один раз в жизни, когда на тюремной пересылке в Ульяновске (ему тогда только что вынесли очередной приговор и этапировали в Пермь) его вызвал к себе начальник краевого УВД генерал-майор Михайлов и без обиняков предложил сотрудничество. Двадцатидвухлетний Шрам рассмеялся ему в лицо. Он был тогда еще совсем зеленый бандит-беспредельщик и люто ненавидел ментов.

Одно дело – беседовать с комитетчиком, а другое дело – с генералом МВД. Западло это! Что братва скажет, когда узнает?

С тех пор он повидал их немало, особенно в последние годы, когда власть в России сменилась и он, с подачи Варяга, стал законным вором, живущим по понятиям (так, по крайней мере, о нем говорили). За это время Александр Степанов свел близкое знакомство со многими высокими чинами правоохранительных органов. Ему понравилось заводить дружбу с ментовским руководством, беззастенчиво покупать начальников райотделов и облуправлений МВД и ГАИ, подмазывая их так щедро, что они ему служили верой и правдой.

Но с московским генералом столь высокого ранга Саша Степанов беседовал впервые.

Поэтому, услышав, с кем имеет дело, он дернулся и инстинктивно повернул голову в сторону так называемых «партнеров».

Генерал Калистратов нахмурился.

– Не нервничайте. Вам ровным счетом ничего не грозит. Вы же видите, я пришел к вам один, без охраны, без ордера, группы захвата тоже нет. Повторяю, нам надо поговорить спокойно... Так вот, вы самый авторитетный и самый могущественный человек в Петербурге. Особенно сейчас, когда убили Тарасова, он же Стреляный.

– Ваша работа? – перебил собеседника Шрам, решив проверить генерала на вшивость: он блефовал, поскольку прекрасно знал, что Стреляного убили по приказу Варяга. Стреляный не подчинился воле смотрящего России, проигнорировал решение сходняка, продолжал беспрдельничать – вот и поплатился.

Услышав вопрос, Калистратов, глядя прямо в глаза Шраму, отрицательно помотал головой:

– Нет. А если вы спросите меня, чьих это рук дело, то я вам откровенно отвечу, что знаю, кто это сделал, но вот доказать это в настоящее время не представляется возможным. Но суть дела не в этом.

– А в чем же?

– А в том, что здесь, а скоро, я подозреваю, и у нас в Москве, начнет разваливаться старый, неплохо отлаженный порядок, который строился в течение многих десятилетий и весьма влиятельными криминальными авторитетами. Более того, в свете некоторых политических событий ситуация и в вашем сообществе может измениться в нежелательную сторону. В нежелательную и для вас, Александр Алексеевич. А также и для нас.

– Что вы имеете в виду? – спросил угрюмо Шрам.

– Я имею в виду разброд и шатания. Хаос, одним словом! Собственно, беспорядок уже начался. Есть признаки того, что появляется некая сила, то есть люди, которые хотят дестабилизировать обстановку в Ленин... Петербурге. Вам так не кажется?

Шрам задумался. Некоторое время он сидел молча, уныло ковыряя вилкой салат из морепродуктов.

– Пожалуй, – наконец выдал он. – У вас есть какая-то программа?

– А у вас? – быстро спросил Калистратов.

– У меня ничего нет, – уклончиво сказал Шрам.

– Я могу дать вам одну неплохую идею, – улыбнулся Калистратов.

– И что за идея?

– Мы предполагаем, что убийство Стреляного могло произойти по указанию... Варяга! – И увидев, как напряглось лицо Шрама, генерал добавил уже без улыбки: – Владислава Геннадьевича Щербатова – Игнатова (называйте как угодно).

– Зачем ему это? – равнодушно спросил Шрам.

– Зачем это ему, можно только догадываться – возможно, в интересах укрепления своей власти в России. Тарасов был сильный лидер. Его знали не только здесь, но и в Красноярском крае, и на Урале, не говоря уж о Европейской России. Конечно, методы Тарасова были скорее

бандитские, а не воровские, но такой человек был необходим очень серьезным людям. Варягу такой сосед вряд ли был нужен. Но дело не в этом – самым невероятным образом убийство Тарасова оказалось выгодным вам.

– Мне? – удивился Шрам.

– Ну да... Что ни говори, а положение хозяина Санкт-Петербурга и области после этого убийства укрепились. Улавливаете?

Шрам свирепо отодвинул тарелку. Калистратов поднял вверх указательный палец и улыбнулся:

– Кстати, вне зависимости от исхода нашей беседы, хочу вас предупредить: молодые люди, что с такими напряженными лицами посматривают в нашу сторону, буквально не отрываясь, в принципе представляют теперь для вас опасность. Встреча с генерал-лейтенантом МВД... Сами понимаете, Александр Алексеевич!

– Пугать решили, гражданин начальник? У вас же на меня тоже ничего нет. Три года назад я вышел на свободу с чистой совестью, как у вас говорят... Это раз. А два – братве я объясню, она поймет. У меня здесь такой авторитет, что я могу разговаривать даже с милицейским генералом. И никто, тем более «пехота», даже косо на меня не посмотрит, а говорить дурного ни у кого даже в мыслях не возникнет. Все знают, раз Шрам встречается, значит, это нужно для дела. И точка!

Калистратов широко улыбнулся:

– Молодец, Александр Алексеевич, я вас себе именно таким и представлял, когда читал ваше досье. А оно весьма пухлое... Но вы не дослушали. Я вас не испугать хочу, а предупредить. Так как интуиция подсказывает мне, что встанем мы с вами из-за этого стола если уж не друзьями, так непременно хорошими приятелями. Я вам сейчас кое-что скажу, а вы слушайте, пожалуйста, внимательно. Мне поручено, скажу так... очень влиятельными людьми наладить контакты в криминальном сообществе России с молодыми авторитетными людьми, которые могли бы стать мягкой альтернативой ныне существующей криминальной власти.

– Что значит «мягкая альтернатива»? – перебил Шрам.

Калистратов понимающе кивнул:

– Хороший вопрос. Планируется, что в течение короткого времени эти люди должны возглавить преступное сообщество, разумеется, с нашей помощью. Причем смена власти должна произойти естественным путем, без тотального кровопролития. Я не случайно упомянул имя Варяга. Он является ставленником тех людей в системе, которые не сегодня-завтра могут исчезнуть. Я не буду сейчас вдаваться в политические подробности, но скажу одно: в стране скоро будут большие изменения. Эти изменения затронут все слои власти – как политической, так и криминальной. У нас же не зря пишут о сращивании криминала и власти.

– Неужели срастались? – ехидно хмыкнул Степанов.

– Еще как срослись! К тому же с незапамятных времен... Но ведь всякая поломка в политической машине неизбежно влечет за собой сбой и в связанной с ней криминальной машине. Новые люди в Кремле, новые люди в Госдуме, – принялся Калистратов загибать пальцы, – и пиши пропало! И что после этого начнется? Опять будет передел сфер влияния в воровских и бандитских кругах, передел собственности, дележка воровского общака. Начнутся массовые отстрелы «пехоты» и лидеров криминального мира. Так было всегда, – махнул генерал-лейтенант рукой, – во времена нэпа, после войны была большая мясорубка между ссученными и ворами, затем после смерти Брежнева, при Горбачеве. Так будет и после нынешнего нашего вождя.

– Ну, нынешний-то еще ого-го какой! – возразил Шрам.

– У меня на этот счет иные сведения, – серьезно заметил Калистратов. – Словом, я предлагаю вам совместное дело. На взаимовыгодных условиях. Вы же легальный бизнесмен. Счи-

тайте это деловым предложением. Нам – мне и вам – нужно убрать кое-кого в криминальном воровском кругу...

Александр отрицательно мотнул головой:

– Я на такое не подпишусь!

Калистратов поморщился:

– Речь не идет о физическом устранении. Я говорю об отстранении от реальных дел. – Выставив ладонь, генерал вновь принялся загибать пальцы. – Ссылка, дальше зоны, это первое... Не исключаю всевозможные подставы, второе... Лишение гражданства и права на въезд в Россию. Улавливаете?

– Вы имеете в виду и Варяга?

– И его, конечно.

– Он же сейчас где-то в Америке.

– Александр Алексеевич, – развел руками генерал Калистратов, – меня настораживает ваша неосведомленность. Формально Владислав Геннадьевич Игнатов числится в Америке, но в данный момент пребывает в России. И если мне не изменяет память, с неделю тому назад он был здесь, в Питере, и даже встречался с покойным Тарасовым, бывшим главарем питерской братвы. Давайте о другом, Александр Алексеевич. Если мы с вами сейчас договоримся, то может так случиться, что в России обнаружится одна интересная вакансия – место смотрящего всея Руси. Это вам не питерский пахан, это гораздо серьезнее. Да и возможностей в этом случае у вас будет поболее!

От услышанного внутри у Шрама невольно похолодело. Японский городской! Стать смотрящим по России – вот на что намекал генерал!

– А вам-то это зачем? – стараясь сохранить равнодушие, спросил Шрам.

Калистратов скроил обиженную физиономию.

– Александр Алексеевич, дорогой вы мой! Я готов повторить: с учетом новых политических веяний нам надо на корню пресечь надвигающийся хаос – вы в своей сфере, мы – в своей. А вместе мы будем совершать благое дело – держать в узде толпу. Попомните мое слово – грянут большие перемены. Вы даже себе представить не можете какие. Вся вертикаль государственной власти и параллельная ей вертикаль криминальной власти в России могут в одночасье рухнуть, разве это можно допустить? – Шрам угрюмо молчал. – Поймите, при том крутом повороте политического флюгера, который не за горами, все эти «варяги» и те, кто за ними стоит, сгинут навсегда! А кто придет им на смену? Выскочки, случайные люди, у которых за душой нет ничего, кроме кабаков с голыми бабами. Шантрапа в джипах. Может, вы этого хотите?

Шрам тогда усмехнулся: верно вякает эмвэдэшный генерал. «Шантрапа в джипах» – надо запомнить эту фразу. Сказанная год назад, сейчас она как нельзя более точно отражала точку зрения самого Александра Степанова.

Собеседники помолчали. Генерал закурил, уверенно делая глубокие затяжки.

– Сейчас я приехал сюда в связи со следствием, которое ведется по делу об убийстве Тарасова, он же Стреляный, – продолжал Калистратов. – Собранные улики косвенно показывают, что в убийстве были заинтересованы как московские криминальные боссы, так и... местные, питерские. Учтите, то, что я вам сейчас говорю, секретная оперативная информация, и я сильно рискую погнамами... если не головой. Но я все же вам скажу. Улик мало. Арестовать мы кого-то можем, но потом всех придется отпустить. До суда дело явно не дойдет. Но по городу может пойти слух, что в убийстве Стреляного был заинтересован некто, кто метит на его место. Улавливаете?.. Не сомневаюсь, что именно вам в ближайшие дни будет предложено стать смотрящим по Санкт-Петербургу. Но даже если авторитетные люди проголосуют за вас, слух о какой-то вашей причастности к убийству будет иметь весьма и весьма серьезное значение и последствия.

– Это понимать как угрозу или предупреждение?

– Это не угроза, Александр Алексеевич, это реальность, которая не зависит от моего или вашего желания. Это я передаю вам мнение моих московских... коллег. Если вы откажетесь с нами сотрудничать, слух о вашей причастности к убийству Стреляного из Москвы будет невозможно остановить. И у вас здесь возникнут очень крупные неприятности. Вы это и без меня хорошо знаете.

Калистратов помолчал, раскурил еще одну сигарету и продолжил:

– И последнее... О ваших трех «партнерах», которые сидят там, в углу. Я достаточно хорошо изучил ваше дело и имею представление о вашем психологическом складе. Я почти убежден, что вы примете мое предложение. Не сразу... Вы подумаете над ним, поразмышляете – и согласитесь. Вот тогда-то вам надо будет позаботиться об этих трех ребятах. Потому что, кроме них, насколько я понимаю, нас с вами вдвоем больше никто не видел. Вы меня поняли? – И, заметив, как жестко сомкнулись губы Шрама, добавил, выделяя каждое слово: – Слишком много поставлено на карту, чтобы спотыкаться на мелочах. – Наконец он поднялся. – Я уйду первым. Искать меня не надо. Я пробуду в городе еще два дня. В пятницу утром, часов в десять, я вам позвоню на работу. Надеюсь, к тому времени у вас созреет правильное решение.

Калистратов позвонил в пятницу ровно в десять утра. Шрам снял трубку и, услышав знакомый голос, без долгих раздумий выдохнул:

– По рукам, генерал!

Калистратов не стал комментировать тон Александра Степанова и быстро назвал адрес на Васильевском острове, добавив:

– Приедете туда к вечеру с теми тремя «партнерами». Но чтоб об этом, кроме вас, уж точно никто не знал.

Шрам, не прощаясь, положил трубку.

«Пехотинцев» – Толика Ильина, Лешку Пузанова и Костю Шустова – Александр Степанов взял с собой на Васильевский остров, вопреки обыкновению всех троих разместил в своей машине, ничего заранее не объяснив. Этих ребят он знал давно – ходил с ними не на одно толковище. Они были его личными телохранителями. Бывшие спецназовцы, которые после дембеля долго помотались без дела и без денег да и прибились к одной областной бригаде.

На них Шраму в свое время указал Витька Косой, охарактеризовав: здоровые, ловкие ребята, стреляют без промаха, кулаки стальные, нетрепличные. Шрам взял их однажды на беседу с мурманскими щипачами, которые повадились в пассажирский порт бомбить интуристов. Разговор был короткий – мурманчане поначалу пытались горор показать, но шрамовские бойцы их маленько тряханули – без лишних слов, без шума, – и пришлые немедленно убралась восво-яси. С тех пор Шрам всегда брал свою «тройку» на переговоры. Не то чтобы он любил этих ребят, успел привязаться. Расставаться с ними ему будет жаль.

Шрам не знал, как Калистратов распорядится ими, но понимал, что назад с Васильевского ему, видимо, придется ехать одному. Так и получилось. Вернее, получилось хуже.

Когда они вчетвером зашли в кабинет номер 9 на третьем этаже, Калистратов попросил троих пройти в смежную комнату и пока подождать там. В комнату вела внутренняя дверь. Шрамовы телохранители вопросительно глянули на хозяина, но тот спокойно кивнул: мол, вперед, ребята. Те послушно скрылись за дверью, и там тотчас раздались сухие хлопки – три. По звуку Шрам понял: пистолет с глушителем.

Калистратов молча мотнул головой: мол, пойдя, взгляни. Шрам неохотно вошел. Он успел заметить, что окон в помещении нет, а все четыре стены обиты толстыми, звуконепроницаемыми, мягкими панелями. В дальнем углу стояла темная фигура. Лица было не разглядеть, но в опущенной руке человек держал пистолет. На полу перед дверью неподвижно лежали три трупа. Крови не было. Все трое были убиты наповал выстрелом в голову. Шраму стало страшно. Но Калистратов молча тронул его за плечо и вывел обратно.

Плотно затворив дверь в смежный кабинет, Калистратов впервые со времени встречи внимательно посмотрел на гостя и заговорил с ним:

– Александр Алексеевич, то, что произошло сейчас, произойти должно было в любом случае – в наших с вами интересах. Этих бойцов вы сами подставили во время нашей первой встречи, так что винить вам некого. Их найдут сегодня ночью за городом. Будет следствие, выяснится, что они стали жертвами криминальной разборки.

– А как же тот, кто стрелял? – хрипло спросил Шрам. – Что будет с ним?

Калистратов вяло улыбнулся:

– Вы беспокоитесь за его здоровье? Не стоит. На нем уже столько крови, что ему для собственной же пользы лучше держать язык за зубами.

Александр Степанов никак не мог перебороть тревогу – год спустя он снова ехал туда же, на Васильевский остров. На их с Калистратовым тайную квартиру. Он понимал: случилось нечто важное, иначе генерал не стал бы настаивать на личной встрече, а просто проинструктировал бы по мобильному телефону. «Что же могло произойти?» – недоумевал Шрам. Он взглянул на часы: 18.55. Чуть выше над цифрами чернела дата: 30 мая.

Внедорожник мчался по Василеостровскому проспекту.

Шрам думал о генерале Калистратове. Тогда, в их первую встречу, Калистратов обронил что-то о том, что изучил его досье и знает его психологический портрет. Что он имел в виду? Что Шрам болезненно властолюбив? Что после коронации он вдруг ощутил сладкий вкус власти, который позволял утолять самолюбие и жажду подчинять себе других?

Сладкий вкус власти...

Среди сообщества людей обязательно отыщутся те, кому в охотку убивать. В подавляющем большинстве это весьма примитивные личности, бойцы-гладиаторы. Хлебом не корми – дай насладиться предсмертным ужасом незащитной жертвы. Таких Шрам не любил, питал к ним животное отвращение: типичная мразь!

Другие испытывали почти патологическую страсть к деньгам. К неумеренной роскоши. Их пьянил сладкий вкус богатства. Они воровали, грабили, убивали ради одного – чтобы заграбастать побольше бабок; чтобы обвешаться импортными вещами и ездить по пять раз в год на Средиземное море греть пузо; чтобы купить под Питером дачу и чтоб это был непременно особняк какого-нибудь бывшего партийного функционера, с резной мебелью, с телефонами во всех комнатах да с участком в два-три гектара.

Такие начинали с того, что в 1991 году за бешеные деньги приобретали в обкомовском гараже списанные «ЗИЛы»-«членовозы», позже меняли их на подержанные белые «Линкольны», а потом вместо них покупали новенькие «Роллс-Ройсы». Они жрали за троих, пили за пятерых, словно торопились компенсировать голодные годы сидения на скудном совковом продпайке.

Но мало кто из его ближайшего окружения знал настоящий вкус власти.

Да, Калистратов оказался тонким психологом. Он был прав – Шрам готов пожертвовать очень многим, даже переступить через воровские понятия, чтобы обрести еще большую власть. Когда полгода назад Шрам сдал Варяга и организовал похищение его жены с сыном из Америки, он знал, что совершает тягчайший грех. Знал, что за подобный беспредел вся воровская Россия, если тайное станет явным, дружно поднимет его на «перья», разорвет в клочья, заживо сварит в кипящем масле. Но Степанова манила жажда власти, и поэтому он шел напролом. Шрам верил генералу Калистратову и надеялся, что с его помощью в самое ближайшее время он сумеет занять место смотрящего России.

Внедорожник «Лексус», резко затормозив, остановился перед дверью трехэтажного деревянного домика. Покрытые пылью окошки были занавешены грязными шторками. Шрам вышел из машины и взглянул наверх. Угловое окно на третьем этаже было не занавешено.

Значит, Калистратов уже там. Шрам толкнул дверь с пузырящейся краской и вошел в темный вестибюль. За столом сидел дед-вахтер. Он читал журнал при ярком свете крохотной настольной лампы.

– Вы к кому? – привычно проскрипел дед, оторвав усталый взгляд от иллюстрированной страницы.

– В отдел распространения, – веско ответил Шрам и, не глядя на деда, прошел к лестнице.

Александр поднялся на третий этаж, дошел до конца длинного коридора, остановился перед дверью с номером 9, обитой черным обтертым дерматином, и без стука распахнул ее.

За старинным письменным столом из красного дерева сидел Калистратов. Перед ним стоял навязанному плотный приземистый господин в сером костюме. Оба обернулись на неожиданно вошедшего Шрама.

Калистратов хмуро кивнул вошедшему и обратился к господину в сером костюме:

– Ладно, Васильич, ты пока иди, мы тут потолкуем, обсудим сложившуюся ситуацию, а я тебя после вызову. Еще вот что, свяжись с Москвой и узнай, нет ли чего нового оттуда.

– Понял, – невесело кивнул Васильич.

Весь красный как вареный рак, не отрывая от пола виноватых глаз, наверняка радуясь столь неожиданному освобождению в лице вошедшего Шрама, он прошмыгнул мимо и бочком вышел в приоткрытую дверь.

– Присаживайся, Саша, – пригласил Калистратов. – Ты, наверное, уже догадался, что я тебя вызвал по срочному делу?

– Конечно, просто так не стали бы.

– Так вот. У нас серьезная проблема. – Калистратов помотал головой, точно его внезапно пронзила сильная боль в шейном позвонке, и поправился: – Точнее, большая проблема у меня. Мне вчера сообщили, что Варяга убили на зоне.

У Шрама как-то разом пересохло во рту. Он сухим языком облизнул губы.

– Как – убили?

– Как-как... Кверху каком! Этот мудак-выскочка, начальник лагеря, недоглядел... Словом, в лагере начался бунт. Не знаю точно, что там случилось, но зэки забузили. Начальник лагеря вызвал ОМОН, внутренние войска с бронетехникой. Началась стрельба. Варяга уложил снайпер.

– Зачем? – Шрам от волнения даже вскочил со стула.

– Как я понимаю, начальник колонии в штаны наложил и решил избавить себя от возможных хлопот с Варягом. В любом случае хозяин колонии, сукин сын, спасал свою шкуру, а меня подставил. Ну да ладно, это мои проблемы – мне их и решать. Я тебя не за тем позвал. Что бы там ни было, наш план продолжает работать. Хотя было бы намного лучше, если бы такой расклад случился месяца на четыре позднее. Но ты, парень, можешь праздновать победу. Для тебя теперь дорога открыта. Я уже доложил наверх о смерти Варяга. Через день-два весть разойдется по всей России. Но пусть твоя братва узнает об этом не от тебя, а из «Московского комсомольца» или через зоны. Когда всем станет известно, что Варяга нет, на очередном сходе будут выбирать нового смотрящего России. – Калистратов улыбнулся и добавил, напирая на каждое слово: – Надеюсь, у тебя есть подходящая кандидатура?

Шрам не смог сдержать улыбки. У него бешено колотилось сердце.

– Имеется.

– Так вот, дальше. Это наша с тобой последняя встреча. Во всяком случае, в этом здании. Не нравятся мне кое-какие моменты... Сегодня я возвращаюсь в Москву. Там мне предстоит очень непростой разговор. За смерть Варяга меня по головке не погладят. А ты действуй. С тобой я свяжусь сам. Через Грунта.

– А кто это такой? – кивнул Шрам на дверь.

– Этот мой личный агент. Работает в «Облкниге», но к МВД никакого отношения не имеет – я его когда-то из-под серьезной статьи вывел, вот он мне иногда и помогает по старой дружбе. Но на прошлой неделе он вляпался в одну историю и привел сюда непрошенных гостей. Так что адрес этот забудь. Ну, прощай, Александр Алексеевич. Удачи тебе. – Калистратов горько усмехнулся: – И ты мне удачи пожелай.

Степанов вдруг почувствовал невероятное облегчение. Вот это поперло! Мало того, что Варяг где-то преставился, так еще и Калистратов сматывает удочки.

Не сумев сдержать распиравшей радости, Шрам, широко улыбнувшись, произнес:

– Ни пуха ни пера, генерал!

И вышел из кабинета.

Теперь у него развязаны руки. Он – санкт-петербургский смотрящий, хозяин Северо-Западного региона и имеет все основания сделаться казначеем всероссийского общака. Александр Степанов шел по темному коридору точно во сне. Он не помнил, как спустился по лестнице, как вышел мимо старика вахтера на улицу, как сел в свой серебристый «Лексус».

Мысли путались. Но вместе с тем Шрам ощущал на душе такую невероятную радость, какая никогда прежде его не посещала. Разве только тогда, когда он откинулся из пермского лагеря. Ворота зоны широко распахнулись и дали ему возможность ступить на новую дорогу. Разве мог он тогда предположить, что когда-нибудь сумеет дотянуться до короны смотрящего России?

Глава 6

Дурное предчувствие

Только выйдя на улицу после разговора с Калистратовым, Шрам стал осознавать смысл услышанного. Его сердце бешено колотилось. Сев за руль, он резко повернул ключ зажигания, врубил передачу и, особо не разбирая дороги, рванул свой внедорожник в поток мчащихся автомашин.

«Мать твою! Ну надо же – Варяга хлопнули! – не мог успокоиться Степанов. – Варяга! Всесильного и властного смотрящего втоптали-таки в лагерную пыль. Осуществилась, видать, чья-то заветная мечта. Вот уж правильно говорится: гора с плеч!»

Шрам был потрясен полученной информацией. И даже будучи человеком весьма хладнокровным, он никак не мог прийти в себя и переварить услышанное. Чтобы окончательно не «закипеть», Сашка попытался переключиться на другую тему и заставил себя думать о более насущных делах.

А их было, как всегда, по горло!

Требовалось срочно послать на Выборгскую таможню нового человека на замену внезапно переведенному в Карелию Давыдову. Потом предстояла долгая и нервная разборка с пограничниками на эстонской границе, которые уже неделю мурыжили трейлеры с радиоаппаратурой, придравшись к неправильно оформленным накладным (ясно, что взятку выбивали, суки!). И еще надо как-то приструнить Пыжова, одного из ближайших помощников губернатора области, – мужик вдруг заартачился и не стал подписывать разрешение на землеотвод под коттеджное строительство в Гатчине, потребовав себе изрядную долю. Недалекий тип, так ведь и без головы недолго остаться. Однажды его люди уже чуть было не открутили этому мудаку башку...

Сашка пытался вспомнить, при каких именно обстоятельствах это происходило, но не мог сосредоточиться, его мысли все равно вертелись вокруг Варяга. Ведь и он, Шрам, тоже приложил руку к его гибели. Не кто иной, как Шрам, по «тонкому намеку» генерала Калистратова, организовал прошлой зимой убийство доверенных людей Варяга – Ангела, Пузыря, Графа, а попутно еще целого ряда близких Варягу людей. Не кто иной, как Шрам, провернул головокружительную операцию по похищению семьи Варяга в Америке и переброске в Россию. При этом выстрелом в голову тогда убили ближайшего помощника Варяга по делам в Америке.

Кличка у него была не то Седой, не то Сивый. Точно, Сивый!

Тогда же зимой Шрам мог бы и самого смотрящего замочить – дали бы «добро». Но разрешения почему-то не получил. А жаль, руки сильно чесались. Варяг им, видите ли, нужен был для каких-то шибко тайных гешефтов, в которых его смерть не была предусмотрена...

Впрочем, возможно, они были и правы: ведь Варяг до последнего момента оставался единственным хранителем российского воровского общака. Только он один знал, где хранятся общие деньги, куда они вложены, на каких счетах находятся, как их вынуть из дела и пустить в новый финансовый проект, кто отвечает за какой кусок.

Тогда только Ангел и этот самый покойник Сивый могли как-то обрисовать ситуацию. Но Ангел и Сивый были убиты. Застрелен был и Граф, который хранил документацию на воровскую собственность.

Получалось, что без Варяга общак можно было потерять безвозвратно. Попробуй потом снова его собери! И тут у Шрама в голове промелькнула страшная догадка: «Может, кто-то смог прояснить местонахождение общака и Варяг сделался не нужен? Но тогда кто эти люди? И кому достанутся воровские бабки?»

– Ах, козлы вонючие! Суки! Дебилы! – зло прохрипел Сашка, резко вывернув руль влево, и по встречной полосе на огромной скорости обогнал старенький «жигуленок», движущийся в

крайнем левом ряду по перегруженному транспортом Василеостровскому проспекту. – Разъездились тут, каракатицы ржавые! Совки! Твари!

Сашка был возбужден невероятно. Его нога непроизвольно давила на газ, и «Лексус», подобно взбешенному коню, то рвал с места, а то вдруг визжал всеми четырьмя колесами, пугая прохожих. Машина неслась с запредельной скоростью по вечернему Питеру, заставляя и встречный, и попутный транспорт шарахаться в стороны. Только выехав на Невский, Шрам сумел взять себя в руки, сбавил скорость и стал сосредоточенно думать о том, как ему лучше разыграть карту с выборами нового смотрящего.

Самое скверное, деньги могли уйти из-под самого носа, а для того, чтобы этого не случилось, следовало как можно быстрее решить вопрос с выбором смотрящего России. Хорошо бы сход собрать осенью – где-нибудь в сентябре – октябре. Но пока неизвестно, как карты лягут: с одной стороны, тянуть нельзя, потому что может появиться реальный кандидат на власть, способный заручиться поддержкой большинства законных, а с другой стороны, торопиться тоже не следовало: излишней активностью можно испортить все дело, воры – народ крайне подозрительный и очень проницательный.

Притормозив на светофоре, Степанов достал сигарету, запалил ее от прикуривателя и глубоко, жадно затянулся.

Организацией сходов Шрам занимался не однажды, а потому был посвящен во многие тонкости этого непростого события. Не исключено, что в этот раз ему доверят организовать всероссийский сходняк. Тут главное все продумать до мелочей, ничего не упустить, взвесить все «за» и «против», переговорить с нужными людьми, попить водочки с заинтересованными лицами, а именно будущими участниками сходняка. И к тому же сход лучше всего обставить как прием по случаю, скажем, юбилея или свадьбы крупного авторитета.

Нужно очень точно и грамотно выбрать место. В этом случае психологическая составляющая будет на стороне организатора. Нечего думать о том, чтобы провести сходняк за границей. Времена, когда воровские сходки российских законных проводились в Европе, кажется, прошли. Полиция европейских городов последнее время стала относиться к крупным сборищам русских с особой настороженностью – газетная шумиха, поднявшаяся на Западе по поводу «русской мафии», сделала свое дело. На Западе сейчас уже не разгуляешься. Теперь любое появление в Брюсселе или Вене команды более чем из трех-четырех человек русских, а тем более на «Мерседесах», «бээмвэшках», вызывает просто панический страх у местных обывателей и автоматически ставит местных легавых на уши – все небезосновательно ждут очередного подвоха от «новых русских». Поэтому сходняк надо провести где-нибудь в России, в хорошо проверенном месте – скажем, в Большом Сочи или в каком-нибудь тихом курортном поселке, где есть приличная гостиница или пансионат. Снять заведение с потрохами, на корню, дать хозяину капусты в зубы, чтоб закрыл его на пару дней, повесив табличку, нечто вроде «спецобслуживание» – как когда-то в добрые совковые времена, – и заняться выбором смотрящего. Мало кто мог тогда предположить, что привычное для всесоюзных здравниц «спецобслуживание» означало не прием иностранных туристов и не съезд мелиораторов, а очередной воровской сходняк.

С организацией схода более-менее понятно.

Беспокоило же Шрама скорее другое – как воспримут люди известие о смерти Варяга. Ладно свои, питерские. Эти за него встанут горой. Не вопрос! Как поведут себя московские, Шрам не знал, но надеялся, что его все-таки поддержат. Братва в обеих столицах в последнее время старалась не конфликтовать, улаживать дела полюбовно, «консенсусом», как выражался, царствие ему небесное, Стреляный. Казанские и нижегородские всегда имели собственное мнение. От них можно было ожидать неприятных сюрпризов. Они считали, что Москва и Питер далековато и на собственных территориях они должны править по-своему, ни у кого ничего не спрашивая; курские, ставропольские, краснодарские шли за ними. Забайкальцы и

дальневосточные вообще в последние годы вели себя отвязанно. Скатились к полному беспределу. Но этих и не слушали особо. Главное, как выскажутся сибиряки и уральцы. С ними тоже могла возникнуть проблема. Но то, что Варяг сгинул в северной зоне, давало Шраму лишний козырь – всегда можно было свалить его убийство на ротозейство местных авторитетов, что не сумели обезопасить смотрящего. На этом можно было сыграть. Но действовать следовало осторожно, тонко. Главное, не перегнуть палку, иначе можно обидеть очень серьезных людей, это во-первых; а во-вторых, могут вспомнить о том, что Варяга все-таки повязали в Питере...

У законных может пробудиться интерес к дознанию, может возникнуть вопрос: как так вышло, что смотрящего не уберегли? А подобное любопытство чревато. Пока вроде никто не догадывался о том, что Варяга ментам сдал именно он, Шрам. «Быки», участвовавшие в той операции, погибли. Пузыря не стало. Теперь свидетелей нет. Калистратов не в счет!

Размышляя над всем этим, Шрам подъехал к Пионерской площади и припарковал «Лексус» рядом с синим «БМВ», из которого тотчас выскочил Гоша Грунт.

– Дашь свою машину?

– А зачем тебе, у тебя своя неплохая?

Гоша широко улыбнулся:

– К одной бабе еду. А твоя поновее будет, скажу, что это моя. А ты, если хочешь, мою возьми.

– Не угомонился еще, – буркнул Шрам, протягивая ключи. – Держи.

– Вечером пригоню, – пообещал Гоша и, юркнув в салон, дернул машину с места.

Глянув вслед удаляющемуся приятелю, Степанов поймал себя на том, что невольно ему позавидовал. Живет себя беззаботно. Птичка божья!

На душе у Степанова было беспокойно. Теперь он не знал, радоваться ему или печалиться, что Варяга нет. Ладно, пусть будет так, как карта ляжет!

Но почему-то от дурного предчувствия по коже ползли предательские мурашки.

* * *

Шрам отключил сотовый, когда направлялся на Васильевский остров на встречу с Калистратовым. Теперь, когда встреча была завершена, следовало связаться с Моней и выяснить, как прошла планируемая операция. Несколько раз он набирал его номер, но механический женский голос холодно и вежливо всякий раз извещал о том, что «абонент временно недоступен».

Дурное предчувствие усилилось: Моня никогда не отключал свой мобильник в рабочее время.

Следовало как-то отвлечься от навалившихся проблем, снять накопившуюся усталость. Шрам вспомнил про Ирку, свою давнюю любовницу, и, повеселев, направил «бээмвуху» к ее дому на Литейном.

Через двадцать минут он стоял у порога ее квартиры. Позвонил условным звонком, но ему никто не открыл. Шрам отпер дверь своим ключом и вошел.

Не раздеваясь, сразу двинул на кухню к холодильнику. Достал с верхней полки холодную бутылочку пива «Хайнекен» и открыл, привычно сорвав крышечку толстым золотым кольцом с рубином. Этому нехитрому трюку он научился еще в восьмом классе, подражая своему тогдашнему кумиру – отвязному шестнадцатилетнему пацану Генке Мякишу. Тот откупоривал «Жигулевское» именно таким способом, умело поддевая зазубренный край стальным кольцом, которое постоянно носил на среднем пальце.

С тех пор утекло много воды. И пива. И крови. Не было уже давно Мякиша – его опустили за беспредел на челябинской пересылке, а потом по-тихому задавили в общей камере. Да и сам он не прежний желторотый юнец, теперь к нему обращались уважительно: либо Алек-

сандр Алексеевич, либо господин Степанов. Либо совсем просто – Шрам. Но он частенько, как бывало в далеком мальчишестве, открывал бутылку пива именно таким щеголеватым способом.

Впрочем, Шрамом его называли лишь самые близкие, кому это было позволено. Те, кто знал его с юности как одного из самых отчаянных и авторитетных бандитских вожakov Северной столицы. Те, кто с ним участвовал в десятках разборок, на одной из которых его полоснули по лицу финкой, оставив на щеке глубокий шрам. За что впоследствии он и получил свое грозное погоняло, эдакий несмываемый след боевой доблести.

После первой отсидки Шрам заделался авторитетом Выборга, перестал беспредельничать и, как всем казалось, стал жить по понятиям. Он упорно везде и всюду распространялся о том, что сила воровского сообщества России – в единстве, и жестко пресекал любые поползновения, ведущие к раздорам на вверенной ему территории. При этом Степанов безжалостно избавлялся от непокорных и упрямых: завозил их в лес и там, в назидание другим лидерам, расстреливал на глазах у примолкшей братвы, но он никогда не отказывался выступать посредником на мирных переговорах по урегулированию междоусобиц, нередко вспыхивавших между региональными группировками.

Постепенно влияние Сашки Степанова стало распространяться не только на его родной Санкт-Петербург, но и шагнуло далеко за его пределы. За ним даже, несмотря на сравнительно молодой возраст, стала закрепляться почетная кликуха Папа, хотя он предпочитал старую, ставшую привычной, – Шрам.

Шрам жадно высосал «Хайнекен» до капли и, аккуратно поставив пустую бутылку на стол, направился в спальню. Так и есть – Ирка тихо дрыхла, разметавшись по широченной кровати. Любила девка поспать – ничего не скажешь. Поспать и потрахаться. Она, кажется, никогда не застилала постель, чтобы иметь возможность в любой момент юркнуть под одеяло и покемарить часок-другой или отдаться по полной программе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.